

РЕВОЛЮЦИИ

в конце XVIII - начале XX вв.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

материалы круглого стола

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Исторический факультет
Студенческое научное общество

Материалы круглого стола

Революции в конце XVIII - начале XX вв.
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Москва 2017

Редакционная коллегия:

Доктор исторических наук *Ватлин А. Ю.*

Кандидат исторических наук *Гайда Ф. А.*

Магистрант *Алмазов М. Г.*

Магистрант *Веринчук К. Д.*

Студент *Домрачев Н. Е.*

Магистрант *Князев П. Ю.*

Революции в конце XVIII - начале XX вв. Общее и особенное.
(Материалы круглого стола) / Исторический ф-т МГУ им.
М.В. Ломоносова. – М., 2017. – 84 с.

Оглавление

* * *

Введение

(6)

Кириллов В.Л.

Радикализм или квазирадикализм? К характеристике
взглядов русского революционного сообщества
1860-х гг.

(12)

Абрамов А.В.

Лассаль и лассальянство

(16)

Дронов А.М.

Из революции – в контрреволюцию: сербское
революционное движение Габсбургской монархии на
переломе империи (1848 - 1849 гг.) и после него.

(24)

Князев П.Ю.

Лидер Антиреволюционной партии Абрахам Кёйпер и
его концепция революции

(28)

Алмазов М.Г.

Московская власть в борьбе с революцией накануне
декабрьского восстания 1905 г.

(37)

Русин Д.О.

Восстание Царскосельского гарнизона в дни
Февральской революции

(48)

Томилин А.Р.

Русская армия и революция 1905 года

(53)

Сергушкин С.С.

Генерал А.Е. Эверт и отречение императора Николая II.
Революция и эмиграция. К вопросу о причинах
послеоктябрьской эмиграции научной интеллигенции

(57)

Мошечков П.В.

Чешско-словацкий корпус и Гражданская война в
России в оценке современников событий (К. В. Сахаров
– В. С. Драгомирецкий)

(61)

Винюкова Н.В.

Революция и эмиграция. К вопросу о причинах
послеоктябрьской эмиграции научной интеллигенции

(74)

Симакова В.Г.

Культурно-политический журнал «Der Monat»: эхо
Октябрьской революции в Холодной войне

(77)

Как сделать удачный доклад? Рекомендации экспертов.

(81)

Наши авторы

(84)

Введение

Революции... Казалось бы, на тему социальных и политических катаклизмов, сотрясавших страны Европы и Америки, впоследствии Азии и Африки, в Новое и Новейшее время, написаны тома. Однако при всем желании нельзя сказать, что мы приблизились к постижению феномена революции в полной мере. Свидетельством тому служат продолжающие регулярно выходить научные труды по этому вопросу (достаточно хотя бы вспомнить недавние изыскания наших сотрудников - Д.Ю. Бовыкина по теме Французской революции конца XVIII столетия или О.Р. Айрапетова и Ф.А. Гайды по сюжету крушения Российской империи в 1917 г.). Мы уже не говорим о страстном (и не всегда продуктивном) интересе публицистов всех мастей к столь судьбоносному явлению. Все вышеупомянутые обстоятельства и побудили нас организовать круглый стол на тему революционного процесса с участием студентов и аспирантов нашего факультета.

Конечно же, мы сразу отдали себе отчет в том, что охват всего драматического пути, пройденного революционным движением на протяжении эпохи Нового и Новейшего времени, невозможен в рамках одного мероприятия. Хронологические рамки круглого стола мы наметили следующим образом: период так называемого «долгого XIX века», то есть времени с конца XVIII по начало XX века, до «революционного подъема» после Первой мировой войны включительно. Именно эта эпоха ознаменовалась грандиозными и необратимыми переменами в экономической, социальной, политической и идейной сферах жизни европейского и американского общества. На природу и ход этих изменений огромное влияние оказала волна революций, захлестнувших Европу с конца «Века Разума и Просвещения», начало которым положили Американская

революция 1776-1783 гг. и Французская революция конца XVIII в.

Не менее насущной оставалась проблема определения и географического «ареала» обсуждаемых революционных движений. В итоге в поле нашего внимания попали радикальные течения и социально-политические конфликты Европы (включая Россию), а также Америки. При выборе мы руководствовались тем фактом, что в описываемое время центром, где рождались и развивались революционные идеи, возникали и действовали ведущие леворадикальные организации, происходили основные события, приводившие к слову «старого порядка», были именно страны Европы, Северной и Южной Америки. В страны же Востока революции приходят уже на закате «долгого XIX века» и во многом под влиянием европейского опыта (Иранская революция 1905-1911 гг., Младотурецкая 1908-1909 гг., Синьхайская 1911-1912 гг.). По поводу причисления российского революционного процесса к европейскому уместно заметить следующее: общественная мысль в нашей стране (как леворадикальная, так либеральная и консервативная) развивалась под непреходящим влиянием европейской; выработанные ей идеологемы и категории вполне применимы к русскому революционному движению (например, социализм). Более того, ряд российских радикалов (например, декабристы, марксисты) осознавали себя участниками единого европейского и даже мирового революционного процесса. Наиболее четко это представление выразил декабрист П.И. Пестель: «Нынешний век... ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, с их двух противоположностей. То же самое зрелище представляет и вся Америка. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клекотать.

Вопреки нашим первоначальным ожиданиям, состоявшийся 24 ноября круглый стол вызвал большой интерес со стороны студентов и аспирантов, причем заявки на участие в обсуждении подали не только ребята с нашего факультета, но и

из других вузов. Приятным сюрпризом для нас было и большое количество слушателей, не испугавшихся не слишком больших габаритов аудитории Е-250 (и надо сказать, опять-таки пришли гости не только с нашего истфака). Не обошлось и без неожиданных поворотов в развитии сюжета: так, Ф.А. Гайда пригласил на наш круглый стол президента Русского фонда содействия образованию и науке М.В. Поваляева.

Доклады, сделанные на нашем мероприятии, отличались большим разнообразием: были выступления, затрагивавшие такие далекие друг от друга темы, как «квазирадикализм» русского освободительного движения 1860-х годов (Виктор Кириллов) и программу преобразования страны, выдвинутую ирландским фениями второй половины XIX столетия (Василий Кутергин). К большому сожалению, с докладом, затрагивавшим теоретические аспекты революции, выступила только наша гостья из РУДН — Анастасия Глушенкова.

На обсуждение мы решили поставить несколько вопросов: о европейском или всемирном происхождении и характере феномена революции, о соотношении общего и особенного в революционном процессе в разных странах и на различных этапах в течение «долгого XIX века», о социальном составе сил революции и контрреволюции, роли идеологии в контрреволюционном процессе. Под конец у нас появилась идея предложить участникам круглого стола обсудить концепцию известного американского специалиста по революционному движению в России Мартина Малиа о так называемых «Великих революциях» Нового времени — общенациональных протестных движениях, случавшихся однократно и приводивших к крушению «старого порядка».

Дискуссия оказалась довольно оживленной, причем равную активность в обсуждении поставленных вопросов проявили как эксперты, так и докладчики. После обсуждения первого из них многие выступавшие (Ф.А.Гайда, В.Кириллов, В.Кутергин, С.Сергушкин и другие) заявили, что революция — безусловно мировой феномен, в ходе которого европейские идеи приспособлялись к местным условиям и требованиям (как, например, в начале XX в. в Китае). В ходе беседы перед

нами встала другая проблема: а что, собственно, скрывается за термином «революция», каков был его непосредственный смысл в разные периоды? В рамках дискуссии по этому поводу важное замечание сделал наш выпускник, а ныне студент Института славяноведения РАН Александр Дронов: нужно учитывать, что сами современники подразумевали под искомым понятием. Свое понимание революционного процесса выразил аспирант кафедры общественных движений и политических партий Андрей Абрамов. Революция, в его глазах, — не одномоментный политический акт, а коренное преобразование социальных, экономических, политических основ общества. И предложенную им схему Андрей сразу же конкретизировал: по его мнению, до сих пор выделяемые нами русские революции — единый процесс, порожденный незавершенностью Великих реформ и утратой властью преобразовательной инициативы. Магистрант кафедры истории России XIX – начала XX века Сергей Сергушкин обратил внимание на важность изучения степени влияния модернизационных изменений в обществе «долгого XIX века» на революционный процесс.

Интересные и порой полемические суждения были сделаны и в ходе обсуждения «контрреволюционной» проблематики. Так, Виктор Кириллов счел непродуктивным саму постановку вопроса о «едином лагере» контрреволюции и счел необходимым отдельно проследить роль в противодействии «буревестникам» со стороны консерваторов и либералов. Интерес у участников вызвал и вопрос о роли религиозности в поведении противников радикального ниспровержения существующего строя. С замечаниями на эту тему выступили студент кафедры истории России XIX – начала XX века Александр Томилин, магистранты кафедры Надежда Винюкова и Сергей Сергушкин.

И наконец, венчал наш разговор разбор озвученной концепции Мартина Малиа. Участники круглого стола высказали мнение, что при изучении такого противоречивого и масштабного феномена, как революция, невозможны столь

широкие обобщения, игнорирующие к тому же опыт стран Азии и Африки.

Ряд общих соображений был высказан нашими консультантами — профессором кафедры Новой и Новейшей истории А.Ю. Ватлиным и доцентом кафедры истории России XIX — начала XX века Ф.А. Гайдой. А.Ю. Ватлин выступил с идеей, что чрезмерное внимание к общему в явлении революции неизбежно приведет к «политологическому» уклону и призвал сосредоточиться на изучении уникального в революционном опыте каждой страны. Он же обозначил новый вектор в исследовании состава участников революционного процесса: выявление возрастных категорий, наиболее подверженных революционным идеям. Ф.А. Гайда обратил внимание участников и слушателей на необходимость соблюдения обыденного, но столь часто забываемого многими нашими коллегами по цеху, правила: вписывания изучаемых явлений и процессов в контекст эпохи. Ему же принадлежит мысль об «обмане зрения», порождаемом буквой партийных программ. Чтобы определить истинную сущность защитников или противников существующего порядка на деле, а не на бумаге, нужно обратиться к их конкретной тактике в определенных ситуациях.

Круглый стол ознаменовался и бурной дискуссией по определенному поводу. Вспыхнула она по докладу Виктора Кириллова о проблеме радикализма или «квазирадикализма» революционеров 1860-х годов. М.В. Поваляев не согласился со сделанными Виктором выводами. Однако нашему аспиранту удалось аргументированно отстоять свою точку зрения. Вспыхнувший спор привлек и внимание Василия Кутергина, поддержавшего Виктора аргументами, основанными на примерах из ирландской истории.

Мы не можем не отдавать себе отчета в ряде допущенных недостатков. Части обсуждения (посвященные революции, контрреволюции и теоретическому осмыслению революционного процесса в целом) были намечены нами не совсем удачно: докладчиков по теме контрреволюционных движений было больше, чем «революционеров», а из

заявленных «теоретических» выступлений состоялось только одно. Кроме того, большое число участников имело и обратную сторону: выступлений оказалось слишком много, поэтому вторая часть дискуссии, посвященная контрреволюции и теоретическому осмыслению революционного феномена, оказалось несколько более вялой, чем первая. Также в ходе обсуждения мы сосредоточились в основном на выявлении общих черт и закономерностей революции, несколько оставив в стороне страновые и региональные особенности.

В заключение хотелось бы остановиться на истинах, справедливость которых которые лишний раз подтвердил наш круглый стол: необходимо правильно определять сущность изучаемого явления, не слишком вольно обходиться с терминологией. Тем не менее, историк не должен следовать установкам ультра-позитивистского и постмодернистского подходов к изучению революций, чреватых впадением в релятивизм и полным отказом от генерализирующего начала: искать общее в событиях революционного процесса можно и нужно, анализируя как сходные процессы, так и взаимное влияние участников революций. Необходимо избегать крайностей и, вместе с тем, проявлять осторожность при работе с очень широкими обобщениями, упрощающими восприятие, но не всегда дающими полную картины конкретных исторических драм.

Ред.

Кириллов В. Л.¹

**Радикализм или квазирадикализм?
К характеристике взглядов русского
революционного сообщества 1860-х гг.**

В исследовательской литературе, посвященной революционному движению в России в пореформенную эпоху, нередко встречается тезис о весомой роли в этом движении радикальных и террористических идей. Например, Е. Л. Рудницкая в сборнике документов «Революционный радикализм в России: век девятнадцатый» выделяет преобладающую линию радикализма во всей истории революционного движения, от декабристов до большевиков, причисляя к этой линии даже П. Л. Лаврова, который, как она сама замечает, представлял «как бы наиболее „цивилизованное“ направление в русской революционности»².

Радикальными часто называют взгляды автора прокламации «Молодая Россия» П. Г. Заичневского, видя в прокламации хронологически первый пример террористических идей и выражение «позиции крайних радикалов» этого времени³. Однако внимательное ознакомление с прокламацией 1862 г. показывает, что прямых призывов к насилию в ней не было. Отношение к насилию скорее сближает прокламацию с «Письмами без адреса» Н. Г. Чернышевского: оба автора рассуждали о возможности насилия в будущем, но не призывали к нему. Изучение фактов биографии Заичневского в этот период также не позволяет

---

¹ © Кириллов В. Л.

² Рудницкая Е. Русский радикализм // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. М., 1997. С. 19.

³ Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 30; Революционный радикализм в России. С. 50.

считать его сторонником радикальных методов борьбы: в разговорах со знакомыми он отмечал для себя важность просветительских целей (рассуждая о «Молодой России», Заичневский «защищал своё детище, возлагая на передовых людей обязанность провести в России нравящееся народу понятие о федеративной республике»⁴), но не организации каких-либо радикальных методов борьбы; несерьезность революционера также проявилась в том, что он невольно выдал и себя, и своих товарищей властям⁵, – а это вряд ли могло сочетаться с ролью заговорщика и конспиратора.

Самый яркий пример реального радикализма 1860-х гг. – покушение на Александра II Д. В. Каракозова. Однако не подлежит сомнению, что этот террористический акт был индивидуальным решением Каракозова, а не действием ишутинского кружка, в котором он состоял. Спорам и исследованиям подлежит вопрос, насколько повлияли на акт Каракозова идеи, высказываемые в московском кружке, возглавляемом Н. А. Ишутиным. Большинство радикальных идей, как правило, исходили в кружке от самого Ишутина; кружок же не представлял собой какой-то цельной организации, более того – авторитет Ишутина в нем, как показывает изучение и мемуарных, и судебно-следственных источников, был весьма шатким⁶. По воспоминаниям ряда современников Ишутин представляется скорее не как серьезный глава революционного подполья вроде Нечаева, а как комичный молодой человек, неловко пытавшийся играть

---

⁴ А. М. (Можарова А. Н.) Воспоминания о П. Г. Заичневском // О минувшем. СПб., 1909. С. 179-188.

⁵ Козьмин Б. П. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия» // Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 194.

⁶ См. подробнее мою небольшую статью на эту тему: Кириллов В. Л. Ишутин и ишутинцы: неоднозначное лидерство в московском тайном обществе 1860-х гг. // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов IV Международной конференции молодых ученых и специалистов «Клио-2014». М., 2014. С. 160-163.

подобную роль⁷. Тезисы о радикализме ишутинского кружка часто упираются в представление о создании подпольной организации «Ад». В реальности эта идея не была реализована. Необходимо также заметить, что подобной идее противоречили поднимавшиеся в кружке замыслы пропагандистской работы в провинции.

Радикальным и чуть ли не террористическим кружком в литературе часто называют петербургское общество «Сморгонская академия», которое создали в 1867 г. участники бывшего ишутинского общества. Свидетельство о том, что в этом кружке обсуждалось и частично одобрялось покушение Каракозова, исходит, по сути, лишь из одного единственного источника – показаний бывшего участника кружка В. И. Кунтушева. Фактически же «Сморгонская академия» за недолгие 1,5–2 года своего существования успела пообщаться со столичной молодежью, отправить своего представителя установить связи со швейцарской эмиграцией (попытка провалилась) и попытаться организовать побег Чернышевского из Сибири (идея осталась нереализованной, а предполагаемые участники разъехались в разные губернии России)⁸.

Как же относиться к множеству обсуждений насильственных методов борьбы и радикальных выражений, произносимых или сформулированных на бумаге? Подводить все подобные факты под понятие радикализма сомнительно – так же, как сомнительно считать призывами к терроризму «кухонную» критику власти сегодня. Возможно, радикализмом корректнее считать системный взгляд на насилие (т. е. представление о том, как именно насильственные средства влияют на реализацию политических установок), а также реальные планы или факты реализации подобных идей. Яркий пример – попытка создания С. Г. Нечаевым организации «Народная расправа», одной из дисциплинарных черт которой

---

⁷ *Брешко-Брешковская Е. К.* Из моих воспоминаний. СПб., 1906. С. 10; *Козлинина Е. И.* За полвека. 1862–1912 гг. Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913. С. 45, 47, 61–65.

⁸ См. подробнее книгу, посвященную истории кружка: *Козьмин Б. П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929.

являлось физическое устранение несогласных внутри самой организации. Всё иное предлагается называть не радикализмом, а квазирадикализмом.

Историографическая ситуация преувеличенного восприятия радикализма в революционном движении 1860-х гг. проистекает из двух источников: во-первых, стремлении политического сыска и следствия выявить царубийственные и антигосударственные планы в революционной среде (нередко с этой целью случайные квазирадикальные высказывания вырывались из контекста и выносились в различные отчеты, показания и другие судебно-следственные источники; неподготовленного читателя подобные документы могут невольно убедить в том, что подобная радикальная тематика была чуть ли не единственной темой для обсуждения в подпольных кружках), во-вторых, желании советских исследователей преувеличить организационный уровень революционного сообщества 1860-х гг. (и это точно так же придавало определенным случайным квазирадикальным фразам характер программных установок).

Не доверять сложившимся в историографии выводам и «распутывать клубок», выясняя историческую истину в каждом факте – это далеко не новый посыл в исторической науке. Однако на современном этапе изучения революционного движения в России он может стать основой для серьезной реконструкции фактов и событий позапрошлого века.

Абрамов А. В.¹
Лассаль и лассальянство

Революции всегда считались и продолжают считаться до сих пор одними из главных событий в мировой истории. Причём они могут представлять собою не только социально-политические катаклизмы, но могут быть растянуты и на большой период времени, не сопровождаясь столь уж резкими социальными потрясениями. (Вспомним хотя бы промышленную революцию в Англии.) Но именно политические революции оставляют яркие следы в жизни и памяти человечества. Не были здесь исключением и европейские революции 1848-1849 гг. «Большой 1848 год» открыл новую страницу в политическом развитии Европы, выдвинул на первый план национальный и, что особенно важно для нас, рабочий вопросы. Однако если вопрос национальный встал в полный рост уже в период европейских революций, то рабочий вопрос становится особенно острым в послереволюционный период.

В течение полувека (а в некоторых странах – вплоть до Первой мировой войны) вопрос о том, как улучшить положение рабочих, пролетариев волновал многих европейских философов, политиков и общественных деятелей. Одни из них – К. Маркс, Ф. Энгельс, П.Ж. Прудон, М.А. Бакунин – поняли важность рабочего вопроса для «строительства» новой Европы ещё до революции 1848-1849 гг. Но некоторые, в т.ч. и Ф. Лассаль, пришли к выводу о необходимости обратить самое пристальное внимание на проблемы пока ещё нарождающегося слоя промышленных наёмных рабочих уже после революционных событий середины века.

---

¹ © Абрамов А. В.

Ф. Лассаль родился в Бреслау (ныне город Вроцлав в Польше) в 1825 г. в семье еврейского купца. Отец послал сына учиться в коммерческое училище в Лейпциге, поскольку видел его продолжателем своего дела. Но сын не оправдал надежд и сумел добиться от родителей разрешения изучать философию и филологию в университетах Бреслау и Берлина, где вскоре присоединяется к кружкам гегельянцев.

Во время революции 1848-1849 гг. Лассаль встал на сторону республиканцев и активно участвовал в революционных событиях в Дюссельдорфе, призывая горожан выступить против прусского правительства, распустившего в 1848 г. Национальное собрание. (За эти призывы он был заключён в тюрьму на шесть месяцев по решению суда.) После освобождения Лассаль снова продолжает свои философские изыскания, пишет пьесу «Франц фон Зикинген», постановка которой, в итоге, с треском провалилась, работает над юридическим трудом «Система приобретённых прав». В этот же период он начинает регулярно общаться с Марксом, который вскоре превратится в его главного оппонента.

Вновь Лассаль врывается в политическую жизнь Пруссии в 1862 г., во время конфликта короля Вильгельма I с палатой депутатов. Будущий лидер прусского рабочего движения резко выступал против представителей прогрессистской партии (либералов), критикуя их взгляды на рабочий вопрос. (В особенности резко он отзывался о Шульце-Деличе.) В результате этой полемики политик приходит к выводу о необходимости организовать особый, антилиберальный рабочий союз. Эта идея была реализована при создании Всеобщего германского рабочего союза (ВГРС) в мае 1863 г. К этому же периоду относится и начало тайных переговоров Лассаля с новым прусским министром-президентом О. фон Бисмарком, будущим объединителем Германии. Основателю ВГРС недолго удалось оставаться одним из лидеров германского рабочего движения. Лассаль погиб 31 августа 1864 г. в Женеве на дуэли, имевшей причину в отказе его возлюбленной Елены Дённигес (как он считал, сделанным под нажимом родителей) выйти за него замуж. В завершение лишь отметим, что в

последний путь лидера прусского рабочего движения провожали сотни тысяч немцев.

Начиная рассмотрение социально-экономических аспектов рабочего вопроса по Лассалю, не нужно забывать, что экономика у лидера ВГРС самым тесным образом переплетена с политикой². Лассаль формирует свой взгляд на социально-экономические проблемы во многом под влиянием полемики с либералами, в первую очередь, с Шульце-Деличем. Атаку на лидера прогрессистского рабочего движения Лассаль развивал, задавая следующий вопрос: «могут ли шульце-деличевские ассоциации, кредитные и ссудные общества, сырьевые и потребительские складчины улучшить положение рабочего сословия?». Сам автор даёт отрицательный ответ, притом подробно аргументируя свою точку зрения. Лассаль указывает на то, что «кредитные или сырьевые общества существуют лишь для тех, кто ведёт дело за свой счёт, стало быть, для мелкопромышленных ремесленников», в то время как «для работников, занятых в крупной фабричной промышленности... эти общества не существуют»³. Лассаль отмечает, что «рабочее сословие терпит постигающий его ущерб в качестве не потребителя, а производителя»⁴, и поэтому помогать рабочим следует прежде всего как производителям.

Чем же обусловлена малая платёжеспособность рабочих? Совершенно определённым «железным законом»: «средний размер заработной платы всегда сводится на, безусловно, необходимое содержание, требуемое привычками народа для поддержания жизни и для размножения». Заработная плата «не может надолго подняться выше среднего размера, потому что тогда, вследствие улучшения положения рабочих, браки между ними стали бы чаще, усилилось бы размножение и... увеличилось бы предложение рук, что низвело бы рабочую плату к прежнему размеру и ниже». Основное содержание «железного закона» состоит в «ограничении среднего размера

---

² Цит. по: *Бернштейн Э.* Фердинанд Лассаль. Его жизнь и значение для рабочего класса // Лассаль Ф. Сочинения. Т. I. М., 1908. С. СХIII.

³ Лассаль Ф. Сочинения. Т. II. (далее – II) СПб., 1908. С. 64.

⁴ Там же. С. 66.

заработной платы размерами, по привычкам народа, безусловно необходимыми для существования и размножения»⁵.

Но данный закон имеет ещё и важное последствие: поскольку «из продукта труда берётся и раздаётся рабочим столько, сколько безусловно необходимо для поддержания их существования» (т.е. лишь зарплата), то «весь остальной продукт труда достаётся предпринимателям»⁶.

Но описание сути и последствий «железного закона» лишь позволило мыслителю подвести разговор к главному вопросу, вопросу, по сути, центральному в его экономических (да и, возможно, в политических) воззрениях – о производительных ассоциациях с государственным кредитом. Лассаль снова задаётся вопросом: «неужели принцип свободной ассоциации работников не может улучшить положения рабочего сословия?»⁷. И здесь же даёт ответ: «может, но лишь по обращению и распространению его на фабричную промышленность». «Железный закон», по мнению его автора, может быть устранён лишь если «сделать рабочее сословие своим собственным предпринимателем», поскольку тогда «уничтожилось бы различие между заработной платой и барышом предпринимателя, и вознаграждением труда стал бы продукт труда». Для этого необходимо «организовать рабочее сословие посредством добровольных ассоциаций в положение своего собственного предпринимателя», устранив таким способом последствия «железного закона». Но здесь возникает логичный вопрос: где рабочие смогут найти средства для организации таких производительных ассоциаций, особенно в сфере собственно крупной промышленности, на железных дорогах и т.д.? Лассаль и здесь имеет уже готовый ответ: создание таких товариществ невозможно, пока рабочие предоставлены «исключительно своим изолированным индивидуальным усилиям». Поэтому, как указывает Лассаль,

---

⁵ Лассаль Ф. Указ. соч. С. 67.

⁶ Там же. С. 68.

⁷ Там же. С. 73.

именно *государство* (курсив авт. – *ред.*) должно «взять в свои руки для поощрения и развития великое дело свободных индивидуальных организаций рабочего сословия и положить себе в священную обязанность дать рабочим средства и способы для их самоорганизации и самоассоциации»⁸, Необходимость участия государства в становлении производительных товариществ обуславливается автором «Гласного ответа» тем, что рабочим не удастся, в конечном счёте, найти посторонних кредиторов из своих сотоварищей для основания данных организаций.

В итоге, автор заключает, что «свободная индивидуальная ассоциация работников, но осуществлённая с помощью и под покровительством государства, есть единственный выход из бедственного положения рабочего сословия»⁹.

Таким образом, Лассаль выстраивает свою экономическую программу (хотя её, скорее, можно назвать лишь набросками к программе), отталкиваясь от критики организовываемых либералами потребительных, кредитных и сырьевых обществ. Он указывает, что эти ассоциации приносят мало пользы промышленным рабочим, будучи полезными лишь для мелких производителей. Во-вторых, он, в противовес либералам, выдвигает концепцию производительных обществ, в которых сами рабочие будут собственниками всех средств производства и, соответственно, получать всю прибыль. Именно в создании данных ассоциаций основатель ВГРС видел главный путь улучшения положения рабочих. В то же время, для организации данных кооперативов он предлагает воспользоваться государственным кредитом, поскольку у самих рабочих не найдётся достаточных средств.

Говоря о политических взглядах Лассаля, отметим, что он разделял принципы, изложенные в конституциях, и реальное положение дел. Он писал, что «необходимо лишь одно условие, а именно, чтобы писаная конституция соответствовала действительной, т.е. реальным отношениям силы,

---

⁸ Лассаль Ф. Указ. соч. С. 74.

⁹ Там же. С. 83.

существующим в стране». А так как «писаная конституция не соответствует действительной, между ними происходит столкновение, которого ничем нельзя предупредить и в котором писаная конституция, листок бумаги, неизбежно побеждается действительной конституцией, действительными отношениями силы, существующими в стране»¹⁰. В итоге Лассаль заключает, что «конституционные вопросы прежде всего вопросы силы, а не права. Исходя из этого факта, на наш взгляд, Лассаль мог прийти и к выводу, что в борьбе против прогрессистов можно опереться на их противников, обладающих реальной силой и властью в государстве – на консерваторов и представителей правительства. Таким образом, дальнейшие заигрывания с Бисмарком были во многом предопределены реальным раскладом политических сил.

Так, в «Гласном ответе» Лассаль решительно осуждает как стремление некоторых рабочих или «вовсе не заниматься политическим движением, поскольку оно якобы лишено для вас всякого интереса», или «стремление служить прогрессистам хором и эхом, лишённым всякой самостоятельности», быть «прихвостнями»¹¹ либералов. Он отмечал, что «такой могущественной и самостоятельной партии, как германские работники, партии, имеющей в виду цели, заключающие в себе великие принципы, совершенно неприлично ставить себя в подобное отношение к прусской партии прогрессистов, которая написала на своём знамени лишь приверженность прусской конституции и ставит целью своей борьбы сопротивление односторонней военной реформе или отстаивание права контролировать бюджет»¹². Мы можем видеть, что Лассаль критикует, в данном случае, отнюдь не собственно рабочую политику либералов, но их общее политическое поведение, которое, как он считает, отнюдь не имеет целью помочь политическому развитию «четвёртого сословия». Он давит

---

¹⁰ Лассаль Ф. Указ. соч. С. 22.

¹¹ Там же. С. 57.

¹² Там же. С. 58.

именно на неспособность прогрессистов как партии буржуазии защищать интересы рабочих.

Итак, автор «Гласного ответа» резко критиковал прогрессистов за неспособность их реально помочь рабочим в плане политики. Он считал неправильным для рабочих ориентироваться лишь на либералов в деле достижения собственных целей (не только политических, но и социально-экономических). Какую же тактику предлагает Лассаль?

Будущий лидер ВГРС констатирует, что «рабочее сословие должно организоваться в самостоятельную политическую партию и принять лозунгом этой партии всеобщее, равное и прямое избирательное право»¹³. Конкретной задачей данной партии должно было добиться «представительства рабочего сословия в германских законодательных собраниях», для чего должна использоваться «мирная и законная агитация при помощи всех законных средств». Обратим внимание на уточнение – в «германских законодательных собраниях». Лассаль мыслит рабочее движение отнюдь не замкнутым в рамках одной Пруссии, но планирует организовать его по всей Германии.

Говорил Лассаль и о том, что последует после ведения всеобщего избирательного права: возникнет «демократическое государство, которое ссудит вам посредством чрезвычайно лёгкой для него кредитной операции капиталы, нужные рабочим для учреждения производительных ассоциаций»¹⁴. В этой фразе президента ВГРС мы видим своеобразный «ключ» к лассальянству. Здесь, в это короткой фразе, Лассаль выразил всё своё политическое кредо: борьба за всеобщее избирательное право приведёт к возникновению нового, построенного на демократических началах государства (оно, конечно же, будет контролироваться «четвёртым сословием», девяноста процентами населения по Лассалю), которое поставит своей главной целью организацию производительных ассоциаций рабочих, которые приведут к резкому изменению их

---

¹³ Лассаль Ф. Указ. соч. С. 60.

¹⁴ Там же. С. 269.

экономического и социального положения. Это будет государство, которое «будет представлять высшее развитие свободы и состоять под державой всего народа»¹⁵.

В завершение этой части исследования подведём некоторые итоги. Во-первых, Лассаль не считал Прогрессистскую партию достойной защищать интересы рабочих, указывал на её неспособность отстоять свои завоевания и достичь собственных целей. Во-вторых, он выступал за создание особой, независимой от либералов рабочей политической организации, которая будет способна самостоятельно бороться за введение всеобщего избирательного права и, следовательно, за возникновение государства «четвёртого сословия», лишённого классовых противоречий. В-третьих, Лассаль считал возможным воспользоваться противостояние либералов и консерваторов в своих целях, надеясь использовать поддержку правительства для «выбивания» у него уступок по рабочему вопросу.

---

¹⁵ Лассаль Ф. Указ. соч. С. 271.

Дронов А. М.¹

**Из революции – в контрреволюцию:
сербское революционное движение
Габсбургской монархии на переломе империи
(1848 - 1849 гг.) и после него.**

15 марта 1848 г. в Пеште, столице Венгерского королевства Монархии Габсбургов, началась революция: катализатором этой революции стала программа венгерской революционной молодёжи. Её суть: одна политическая нация в Венгрии – венгерский народ. После чего сформировано венгерское революционное правительство Лайоша Кошута. Сербь Венгрии ответили своей программой, в которой в противоположность венгерской добивались признания за ними статуса народа, свободного употребления сербского языка, а также церковной и школьной автономии. Причём, это ещё с «братской любовью к венграм».

21 марта 1848 г. в главном городе австрийских сербов Нови Саде сербы вместе с немцами сформировали свой революционный комитет, который возглавил Джордже Стратимирович. На примере этого политического деятеля как раз и проследим путь одного сербского революционера. Дж. Стратимирович сербского дворянского происхождения, гусарский подпоручик австрийской армии². Он стал главным организатором в Нови Саде. Основное, чего добивались сербы – самоуправление. Послали делегацию в Пешт. Но Л. Кошут этой сербской делегации показал кукиш в том плане, что никакого особого самоуправления в Венгрии не будет, т.к. один народ

---

¹ © Дронов А. М.

² О Дж. Стратимировиче см.: Успомене Ђорђа Стратимировића / приред. Ж. Димић. Нови Сад, 2013.

существует – венгерский, а других никаких нет. Через два года Кошут будет сожалеть об этом своём решении.

Дж. Стратимирович, видя, что дипломатически не получается, решил идти ва-банк: из сербской народной милиции, которая следила за порядком в революционном Нови Саде Дж. Стратимирович сформировал костяк народной армии. А здесь ещё рядом Военная граница с Османской империей. Он, кстати, на ней тоже успел послужить. В общем, стали активно пропагандировать среди сербов-граничар присоединяться к этому сербскому движению, что борются за свободу сербов от венгров, за автономию. Тут подключилась Сербская Церковь в Австрии.

Организовали скупщину в Сремских Карловцах, это где резиденция главы Сербской Церкви – митрополита Йосифа Раячича. Туда съехались представители от сербов Венгрии, от Военной границы, даже из княжеской Сербии, которая вассал османского султана, тоже были гости. Это начало мая 1848 г. Сербь настроены уже решительно: или пан или пропал. Поэтому Й. Раячича провозглашают патриархом, а суть новой такой общесербской программы на скупщине – требование к австрийскому императору о создании на сербских землях Воеводины с сербским воеводой, т.е. по сути особое королевство в составе Монархии.

Венгры на такую дерзость и нарождающийся национализм ответили войной – начались стычки венгерского революционного гонведа, т.е. армейских частей, с сербскими революционными отрядами. Весь парадокс ситуации в том, что тогда ещё император в эвакуации в Инсбруке ждёт, когда его генерал князь Альфред Кандид Фердинанд фон Виндишгрец при помощи верных императору хорватов и граничар разберётся с революционными бунтами в Вене, Праге и итальянских владениях, поэтому венграм император Франц Фердинанд идёт на вынужденные уступки. И венгры, рьяно продвигая свою революцию, при этом именем императора стали подавлять сербское движение. А сербы именем того же императора защищали свои права, т.к. император на всякий случай и им тоже дал всякие обещания.

А вот когда князь А. Виндишгрец подавил революционные очаги на западе империи, тут встал вопрос, кто из двух драчунов лучше: венгры или сербы. Император подумал, подумал и решил, что венгры хуже – уж больно аппетиты у них велики. В итоге, ситуация изменилась кардинально: сербы стали опорой престола и защитниками целостности Монархии, а венгры – подрыватели и якобинцы. Надо сказать, это сербское движение во многом спасло, т.к. несмотря на все таланты Дж. Стратимировича, а также добровольцев из княжеской Сербии, его армия уже изрядно выдохлась, а тут вся имперская армия оказалась на стороне сербов или сербы на стороне имперской армии, смотря чьими глазами смотреть. Сербам, кстати, даже позволили выбрать себе воеводу – им стал полковник с Военной границы Стеван Шупликац, он вместо Дж. Стратимировича возглавил сербские отряды. Но скоро С. Шупликац умер, и сербов под общее командование взял глава Военной границы и хорватский бан Йосип Елачич. А Дж. Стратимирович стал таким политическим руководителем в должности председателя сербского революционного комитета, который постепенно терял реальную власть.

Что же венгры? За такой неожиданный поворот венгры низложили императора и сопротивлялись ещё год, даже переходили в контрнаступление. Поэтому понадобилось, как мы знаем, вмешательство России. С русской помощью венгров всё-таки задавили³. И тут следует рассказать о том, что становится с революционером после революции.

Джордже Стратимирович был народным героем: бескомпромиссно сражался с венграми, организовывал сопротивление, снабжение, оборону, непосредственно участвовал в сражениях, т.е. полностью разделял все тяготы народной борьбы. Но вот всё закончилось, венгры проиграли, хотя и ненадолго. Император поощрил сербов полумерами в итоге: в Воеводине сербы составляли меньше половины населения, а воеводой стал сам император – уже новый – Франц

---

³ Подробнее см.: Усмирение Венгрии. 1848 - 1849 / Составитель Г.Ю. Пернавский. – М.: Вече, 2011.

Иосиф. Дж. Стратимирович сближается с церковной клерикальной партией – наиболее консервативной, они чётко за Франца Иосифа. Только сербские либералы Светозара Милетича тогда выступали за сближение и восстановление дружеских отношений с венграми. Но вот заключается австро-венгерское Соглашение о дуализме 1867 г. и сербские политики кардинально меняют свои взгляды: теперь сербский герой и патриот Джордже Стратимирович вместе с консервативно-клерикальной партией переходит на сторону венгров, а либералы С. Милетича развивают уже антивенгерскую риторику, позиционируя себя уже как защитников истинных сербских интересов. Видимо, Дж. Стратимирович вслед за клерикалами решил, что венгры сильнее, а значит, и правда за ними.

Вот такая история о двух перевёртышах в истории восточной части Монархии Габсбургов.

Князев П. Ю.¹

Лидер Антиреволюционной партии Абрахам Кёйпер и его концепция революции

Революционные события в различные эпохи были осмыслены как современниками, так и представителями более поздних поколений историков, философов, публицистов. Не менее важно, что образ революции мог служить основой для идеологий и политических движений. Примером тому может служить, пожалуй, уникальный случай наименования партии «Антиреволюционной». Речь идет о партии, игравшей важную роль в политической жизни Нидерландского королевства на протяжении длительного периода с последней четверти XIX века до 60-х годов следующего столетия². Её лидер Абрахам Кёйпер (1837-1920) известен и сейчас как влиятельный неокальвинистский теолог и мыслитель, основатель своей религиозной общины, газеты, существующего и ныне университета³. Он стал провозвестником «системы опор», знаменитой *verzuiling*, особой структуры общества, обеспечившей католическому, протестантскому и светскому сегментам нидерландского общества свои, автономные системы образования, СМИ и представительства в парламенте через соответствующие партии⁴. Политические взгляды Кёйпера были осмыслены как рядом зарубежных, так и отечественных

---

¹ © Князев П. Ю.

² *Zwart R.S.* Gods wil in Nederland: Christelijke ideologieën en de vorming van het CDA (1880-1980). Kampen: Kok, 1996. Blz. 213.; *Koole R. A.* Politieke partijen in Nederland: ontstaan en ontwikkeling van partijen en partijstelsel. Utrecht: Het Spectrum, 1995. Blz. 122.

³ *De Bruijn J.* De sabel van Colijn: Biografische opstellen over religie en politiek in Nederland. Hilversum: Verloren, 1985. Blz. 15.

⁴ *Lucardie P.* Nederland stromenland: een geschiedenis van de politieke stromingen. Assen Van Gorcum, 2007. Blz. 31.

исследователей⁵. В статье мы попытаемся рассмотреть, какое место занимало понятие «революции» в системе взглядов Кёйпера, а также попробуем ответить на вопрос, одинаково ли политик оценивал различные проявления «революционного порыва».

Середина XIX века в Нидерландах была эпохой господства либералов. Политические, экономические и правовые доктрины либерализма в это время преобладали как в идеологии и публицистике, так и в парламентских кругах⁶. После конституционной реформы 1848 года, ставшей важной вехой в становлении нидерландского парламентаризма, либералы господствовали в политической жизни страны. Им навстречу пошел король Виллем II, поддержавший реформы и снискавший народную популярность. Ведущий деятель либерального движения, Йохан Рудолф Торбеке фактически контролировал нижнюю палату парламента. Либерализм современники ассоциировали с будущим, противопоставляя его «реакционным» порядкам прошлого. Тем не менее, «либеральную волну» 1840-60-х не стоит переоценивать: в нидерландском обществе достаточно быстро возникли политические движения, бросившие либеральной идеологии вызов. Религиозное пробуждение начала XIX века и восстановление роли религии после «революционной» и наполеоновской эпохи повлияло на развитие в среде «национально-ориентированных» интеллектуалов системы взглядов, ставшей реакцией на наследие идей Просвещения и опыта Батавской революции. Речь идет о сравнительно небольшой группе интеллектуалов, сформировавшейся вокруг известного историка и политического деятеля Ван Принстерера⁷, который известен также как издатель документов по нидерландской истории. Гийом (Виллем) Грун

---

⁵ К примеру, *Van Weringh, J. Het Maatschappijbeeld van Abraham Kuiper. Groningen, 1967.*; *Шатохина Г.А. Абрахам Кёйпер и его проект реформирования нидерландского общества // Европейский альманах. М.: Наука, 2002. С. 151-158.*

⁶ *Van Riel H. Geschiedenis van het Nederlandse liberalisme in de negentiende eeuw. Assen: Van Gorcum, 1982. Blz. 216-224.*

⁷ *De Bruijn J., Harinck G. Groen van Prinsterer in Europese context. Hilversum: Uitgeverij Verloren, 2004. Blz. 31.*

ван Принстерер испытал влияние идей Э. Бёрка, позднее развив свою трактовку Французской революции конца XVIII века. Ван Принстерер противопоставлял революционные изменения вере, отмечал ошибки строителей секулярного государства, что выразилось в его книге «Неверие и революция», написанной накануне событий 1848-49 гг. в Европе и изданной в 1847 году. «Свободу» революционную он противопоставлял особой «свободе под Богом»³⁴, которая не нарушала сложившиеся веками устои и права религиозных общин. Примерно в это же время Ван Принстерер познакомился с молодым единомышленником, вскоре ставшим его учеником и преемником.

Абрахам Кёйпер родился в городке Мааслэйс в Южной Голландии³⁵, это портовый город, расположенный на берегу Северного моря. Море юный Абрахам очень любил, и в детстве мечтал стать капитаном. Его отец Ян Кёйпер был реформатским пастором, что, возможно и побудило сына посвятить себя церковному служению. Абрахам поступил в Лейденский университет, где прилежно изучал теологию, будучи одним из лучших студентов. Там же он познакомился с идеями либеральной теологии, которые весьма увлекли молодого человека. Однако после окончания университета в начале 1860-х пастор посвятил свое время служению в деревушке Бэйсд, где, общаясь с простыми прихожанами изменил свои взгляды, разочаровавшись в либеральных доктринах, противопоставив религиозное рвение простых прихожан новаторским установкам университетских теологов. Он стал склоняться к принципам ортодоксального кальвинизма, которые повлияли на его взгляды. В конце 1860-х гг. он проповедует в Утрехте, где постепенно начинают формироваться мировоззрение и политические взгляды будущего премьера. Знакомство с Ван Принстерером, имевшим опыт политической деятельности (тот часто выступал перед парламентом и несколько раз выбирался

---

³⁴ *Groen van Prinsterer G. Ongeloof en revolutie. 3de uitgaaf. Amsterdam: H.A. van Bottenburg, 1903. Blz. 133.*

³⁵ *Puchinger G. Abraham Kuyper. de jonge Kuyper (1837-1867). Franker: Wever, 1987. P. 25-26.*

депутатом Нижней палаты, представляя там тогда еще немногочисленных консервативных «антиреволюционеров»), нередко инновационные методы ведения борьбы и кампаний, личная харизма и невероятная работоспособность помогли Кёйперу достичь вершин власти, дали ему возможность участвовать в формировании парламентских коалиций и кабинетов, а в 1901-1905 гг. даже занять пост председателя Совета министров. Современники сравнивали его с Наполеоном и Кромвелем, он был постоянной мишенью политической карикатуры, где изображался то как романтический борец за свои идеалы, то как жадный и коварный политик. Ему удалось на какое-то время добиться единства протестантских и католических партий, противопоставивших себя либеральному, и, позднее, социалистическому движению. Либералов же Кёйпер обвинял в социальном эгоизме, сомнительном патриотизме, религиозном и моральном примиренчестве¹⁰. Но время их господства, как полагал Кёйпер, подходило к концу. Как отмечает Г.А. Шатохина, свою победу он оценивал как «великий реванш истории», в ходе которого «угнетенный народ предъявлял счёт либералам»¹¹. В противостоянии с либеральными политиками Кёйпер и использовал концепцию революции, которая помогала ему четко показать, против чего боролась его партия. Наличие у этой партии лояльной «антиреволюционерам» печати связано с изданием многочисленных работ Кёйпера, лекций и программных документов, на основании которых мы можем судить о его политической позиции.

Своими главными противниками Кёйпер считал тех, кто принял на вооружение принципы восставших «против всякой веры» вождей Французской революции конца XVIII века¹². Кёйпер характеризовал основополагающие принципы революции как антихристианские (*antichristelijk*), считая, что в

---

¹⁰ Шатохина-Мордвинцева Г.А. История Нидерландов. М: Дрофа, 2007. С. 272-279.

¹¹ Там же.

¹² Kuyper A. Het Calvinisme. Zes Stone-lezingen in Oktober 1898 te Princeton gehouden. 3de druk. Kampen: J. H. Kok NV., 1959. Blz. 3.

своей борьбе с Церковью революционеры разрушили систему, в которой Церковь играла важную роль и вытеснили религию светскими идеологиями¹³. Обвиняя революционеров в следовании правилу «ни Бога, ни господ»¹⁴, Кёйпер видел в революции опасность для религии: Церковь не только теряла свое влияние в обществе, но и часто становилась «мишенью» радикалов. Исследователи отмечают, что представления Кёйпера об «антирелигиозном» характере революционных движений - самый яркий пример влияния на политика Ван Принстерера¹⁵. Тем не менее, важно, что Кёйпер говорил о революционных идеях не совсем как о «неверии». Пастор рассматривал их как своего рода «новую веру». Революционные принципы, по мнению Кёйпера, были опасны тем, что могли заменить собой религию, вытеснить ее, став основой мировоззрения потерявших веру граждан.

Кёйпер отмечал, что у революций имелись объективные причины, связанные с социальными и политическими проблемами, а также с ошибками правителей. Однако движущая сила (*drijfkracht*) Французской революции состояла не просто в недовольстве злоупотреблениями¹⁶, но и в желании поменять общественное устройство - считал Кёйпер. Политик полагал, что революционные преобразования вели к разрушению старых конфессиональных и групповых связей, делая каждого человека индивидуальным участником политического процесса, как с точки зрения юридического статуса, так и в плане мировоззрения. Именно поэтому он определял революцию не просто как смену политического строя, но как *«государственно-правовую и социальную систему, которая нашла своё воплощение в ходе Французской революции»*¹⁷. «Атомизированная» система общественного устройства, при которой каждый гражданин участвовал в

---

¹³ Kuyper A. Het Calvinisme. Zes Stone-lezingen in Oktober .... Blz. 3.

¹⁴ Ibid. Blz. 3.

¹⁵ Eglinton J.P., Harinck G. Neo-Calvinism and the French Revolution. London: Bloomsbury, 2014. P. 157.

¹⁶ Kuyper A. Het Calvinisme. Zes Stone-lezingen in Oktober 1898 te Princeton gehouden. 3de druk. Kampen: J. H. Kok NV., 1959. Blz. 56-47.

¹⁷ Kuyper A. Ons program. 5de druk. Hilversum: Höveker & Wormser, 1907. Blz. 18.

жизни государства индивидуально, а не в рамках своей общины, конфессиональной или территориальной, виделась Кёйперу социальной системой, порожденной революцией. Политик отмечал, что революция является резким разрывом с прошлым, противопоставляя ее поступательному развитию и «разумным преобразованиям». Кёйпер был знаком с наследием и, безусловно, испытал влияние Эдмунда Бёрка, считавшего, что французская революция не смогла «сохранить живыми прежние принципы и образцы всеобщего европейского закона, улучшив и приспособив его к современной ситуации»¹⁸. Стоит отметить, что Бёрк также увидел и подверг критике противоречия социального строя, возможности развития которого открыла революция¹⁹.

Кёйпер отстаивал характерный неокальвинистской доктрине принцип «Божественного Суверенитета», распространявшегося на все сферы общественной жизни²⁰. Акцент здесь ставился на том, что конечная, наивысшая власть в мире принадлежала лишь Богу, и что вмешательство Провидения в жизнь общества не только не подлежало никакому сомнению, но и не терпело сопротивления, с которым пастор и связывал «богоборческие» революции. Тем не менее, в некоторых случаях «революция» даже оправдывалась Кёйпером: пастор считал, что ниспровержение власти допустимо, когда речь идет о сопротивлении «безбожной тирании» (*goddelooze tyrannie*) и игу иностранных государств. Именно к таким, «справедливым» революциям Кёйпер причислял Нидерландскую революцию XVI в., Английскую «Славную революцию» 1688-1689 гг. и Войну за независимость США, в некоторых случаях - восстание нидерландцев против Наполеона в 1813 г.²¹ В таких, «правильных», революциях он видел не разрушение, но наоборот восстановление

---

¹⁸ Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. - М.: Рудомино, 1993.

¹⁹ Чудинов А.В. Французская революция. История и мифы. М. Наука, 2007. С. 134

²⁰ Kuiper A. Souvereiniteit in eigen kring: rede ter inwijding van de vrije Universiteit. Amsterdam: J.H. Kruyt, 1880. P. 8-9

²¹ (Ons program. 18-19)

«органического народного единства», попранного тираном или иностранными захватчиками. Особенностью таких революций было не отпадение от Бога, но даже временное возвращение (*terugkeer*) к вере, которое, однако, впоследствии нередко уходило в прошлое. К примеру, восстание нидерландцев против испанского господства Кёйпер рассматривал как вполне законное деяние²². Здесь он исходил из распространённой еще в раннее Новое время концепции «права на сопротивление»²³, использовавшейся идеологами Нидерландской революции: если монарх открыто нарушал привилегии и права подданных, последние имели право выступить против него. Для Кёйпера было важно, что суверенитет Бога был выше власти любого земного правителя²⁴, таким образом, «кальвинистские» революции и воплощали этот принцип. По мнению политика, они проходили под знаменем религии, тем самым являясь скорее не попыткой преобразовать общество как таковое, а «исправить» несправедливости существующего режима, пусть восстания и приводили к серьезным социальным и политическим переменам.

Таким образом, можно отметить двойственный подход Кёйпера к революционному процессу. С одной стороны, идеолог Антиреволюционной партии считал религию и революции несовместимыми, а с другой – противопоставлял революции XVIII-XIX вв. потрясениям раннего Нового времени, не противоречившим «кальвинистскому духу». Более того, по мнению Кёйпера, в политическом смысле кальвинизм представлял собой своеобразное движение, которое обеспечило народам свободу, введя конституционное правление сначала в Нидерландах, затем — в Англии, а с конца XVIII века и в Соединенных Штатах²⁵. В политической риторике «антиреволюционеров» сам образ кальвинизма отождествлялся

---

²² Kuyper A. *Antirevolutionaire staatkunde: met nadere toelichting op ons program*. Deel 2. Kampen: J.H. Kok, 1917. P. 63-64

²³ Fisher H. A. L. *The Republican Tradition in Europe*. N.Y., Routledge, 2011. P. 36.

²⁴ Kuyper A. *Het Calvinisme: oorsprong en waarborg onzer constitutieve vrijheden*. Een nederlandsche gedachte. Amsterdam: B. van der Land, 1874. P. 51

²⁵ *Het Calvinisme. Zes Stone-lezingen in Oktober 1898 te Princeton gehouden*. 3de druk. Kampen: J. H. Kok NV., 1959. Blz. 6.

с понятием «свободы»²⁶, за которую, по мнению Кёйпера, и сражались в XVI веке участники антииспанского восстания. С точки зрения Кёйпера, кальвинизм проецировал на политику два важнейших подхода: во-первых, население должно было с благодарностью принять из руки Божией (uit Gods hand ontvangen) институты государства как необходимое средство созранения общественного порядка, в то же время, всегда бдительно следить за опасностью для личной свободы (persoonlijke vrijheid), исходящей от власти государства²⁷. Таким образом, Кёйпер признавал необходимость и важность сильных государственных институтов, однако стремился защитить традиционные устои и конфессиональные различия от вмешательства либерального государства. Перед лицом все возрастающей опасности «единообразия, этого проклятия современной жизни», утверждал Кёйпер, государство обязано признать за каждой составной группой общества «суверенитет в своем собственном кругу», «свободу каждого в окружении людей, близких ему по духу».

Подводя итог, мы можем отметить две важнейшие особенности восприятия революции Кёйпером. Во-первых, он понимал революционный процесс как комплекс не только политических, но и социальных трансформаций, выраженных как в принципах организации общества государством, так и в сознании людей. «Индивидуализированное» и «атомизированное» общество, где гражданская солидарность «затмевала» иные, казалось пастору моделью, порожденной революционной эпохой. Таким образом, «ужасные революционные потрясения» (monstrueuse omwentelingen) были связаны не только со сменой политической власти, но и преобразованием социальной сферы.

Во-вторых, важно, что Кёйпер не обобщает революционный процесс, довольно-таки по-релятивистски противопоставляя «благие» и «вредные» революции. «Умеренные» революции раннего Нового времени он связывает

---

²⁶ Het Calvinisme. Zes Stone-lezingen in Oktober ... Blz. 43.

²⁷ Ibid. Blz. 45.

с борьбой за свободу и по сути оправдывает, видя в части из них (Нидерландской или Английской) религиозный аспект, изображая их как борьбу «во славу Бога» и «против тиранов». Эти революции, хотя и повлекли за собой социальные трансформации, не сделали их приоритетом, которым, по мнению политика, была борьба с (нередко иностранным) «гнётом». Революции же конца XVIII-XIX вв. были, по мнению Кёйпера, в большей степени проникнуты идеями равенства и преобразования общества, носили более секулярный характер, а также оказали сильное влияние на другие страны, став не казусом в отдельно взятой стране, а очень масштабными «потрясениями», быстро распространявшимися почти на всю Европу. Именно их пастор и винил в «безбожности» и именно им последовательно противостоял. Опыт революций конца XVIII-XIX вв. Кёйпер оценивал сугубо негативно. С одной стороны, с позиций верующего кальвиниста он не мог принять уменьшение роли религии, которое он, следуя идеям Ван Принстерера, понимал, как отказ от веры, а «секуляризирующие» устремления Французской революции пастор рассматривал как не что иное, как нарушение Суверенитета Бога и естественного развития общества, как торжество светского мировоззрения, которому революция открыла дорогу, поместив в центр внимания не Церковь, а гражданские идеалы новой эпохи.

Алмазов М. Г.¹

Московская власть в борьбе с революцией накануне декабрьского восстания 1905 г.

Декабрь 1905 г. вошел в историю России знаменательным событием — первой попыткой вооруженного ниспровержения существующего государственного строя. При обращении к судьбе предприятия «в бой роковой вступивших с врагами» особый интерес у историка вызывает вопрос: каковы были условия, в которых могла зародиться, прорасти и реализоваться идея восстания? Думается, что не последнюю роль в этом процессе сыграла позиция московской администрации — непосредственных блюстителей порядка — в период, предшествующий декабрьским событиям — в так называемые «дни свобод» (с 17 октября 1905 г., когда появился Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», возвестивший о проведении масштабных преобразований, до 7 декабря, когда в Москве вспыхнула всеобщая стачка, перешедшая затем в вооруженное восстание).

Что предпринимали генерал-губернатор и градоначальник, чтобы не дать вспыхнуть пожару открытого сопротивления их власти? Выяснение этого обстоятельства представляет большой интерес при стремлении понять, почему «безумство храбрых» приобрело столь масштабный характер на своем первоначальном этапе. Кроме того, Манифест 17 октября впервые в истории России официально признал за населением ряд гражданских прав — свободы личности, совести, слова, собраний и союзов, что неизбежно должно было наложить отпечаток на действия московской власти. Между тем в историографии эта проблема не получила исчерпывающего освещения: советских и современных ученых значительно

---

¹ © Алмазов М. Г.

больше привлекали темы развития революционного движения в Первопрестольной в указанный период и ход самого вооруженного восстания, включая деятельность администрации по его подавлению². Даже в наиболее важных по степени разработки интересующего нас вопроса трудах Н.Н. Яковлева и Н.В. Шатиной борьба власти против революционеров в «дни свобод» изучалась либо фрагментарно³, либо давались ее общие характеристики в данный период⁴. Таким образом, указанная проблема по-прежнему сохраняет актуальность.

Основной целью настоящей статьи является изучение вопроса о действиях московской администрации по борьбе с революционным движением в «дни свобод» и об их конечных результатах. При этом мы поставили перед собой следующие задачи: воссоздание социально-политической обстановки в Москве в «дни свобод» для правильной оценки фона интересующей нас сферы деятельности местной власти; рассмотрение формальных и реальных возможностей генерал-губернатора и градоначальника активно бороться с радикальной оппозицией в этот период и исследование конкретных мер, принятых властью в данной области, и их последствий.

Из использованных нами источников наибольшее значение для раскрытия темы имеет группа материалов делопроизводства (переписка генерал-губернатора и градоначальника Москвы между собой, с руководителями других ведомств (например, командованием Московского Военного Округа), с Департаментом Полиции Министерства Внутренних Дел, циркуляры Министерства Внутренних Дел, отчеты московских приставов о текущих событиях, часто содержащие на себе распоряжения-резолюции московского градоначальника и т. д.), хранящиеся в фондах московского

---

² Чебарин А.С. Москва в революции 1905 - 1907 гг. М., 1953 г.; Яковлев Н.Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 г.; Шатина Н.В. Местный государственный аппарат самодержавия в борьбе с первой российской революцией (На примере Москвы): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1989 г.

³ Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 100 - 140

⁴ Шатина Н.В. Указ. соч. С. 21

генерал-губернатора (Ф. 16), градоначальника (Ф. 46), полицейских частей города Москвы (Ф. 475) в Центральном Государственном Архиве города Москвы (ЦГА Москвы) и в фонде Отделения по охране общественного порядка и спокойствия (Ф. 63) в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Общественно-политическая ситуация в Москве оставалась весьма опасной для власти. В первые дни после выхода Манифеста происходили вооруженные столкновения между «патриотическими» черносотенными демонстрациями и аналогичными шествиями со стороны левых сил, в которых принимали участие и боевые дружины⁵. Типичную картину такого «сражения» нарисовал в своем рапорте 19 октября градоначальнику Медему пристав 2 участка Тверской части: «В 3 1/2 часа пополудни около Иверской часовни (...) сошлись две партии одна с национальным флагом, другая с красным (сохранена пунктуация автора доклада — М.А.). Ожидалось столкновение, кто-то хотел вырвать красный флаг, кто-то получил удар по лицу. Преобладающей была партия с красными флагами. Скоро партия с национальными флагами отошла к Охотному ряду, а толпа с красными флагами направилась к Манежу и Александровскому саду»⁶. Наиболее ярким показателем конфликтности, воцарившейся в московском обществе, стало убийство монархически настроенным рабочим Н.Ф. Михайлиным одного из лидеров московских большевиков — Н.Э. Баумана 18 октября⁷. Похороны вылились в масштабную политическую демонстрацию, закончившуюся расстрелом ее участников казаками у Манежа⁸. Но эти трагические события стали только прелюдией к разыгравшейся в последующие дни драме: на 21-22 октября пришелся пик погромов, организованных в Москве

---

⁵ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 20. Л. 158; *Мицкевич С.И.* Революционная Москва. М., 1940 г. С. 407.

⁶ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 33.

⁷ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 51-51 об.

⁸ Там же. Л. 53 об.; *Мицкевич С.И.* Указ. соч. С. 408.

правыми монархистами («черносотенцами»)⁹. По данным Московского Охранного Отделения, нередко левые радикалы сами провоцировали вспышки этого насилия¹⁰. На многих фабриках продолжались забастовки¹¹.

Однако и после прекращения погромов и Всероссийской стачки ситуация сохраняла напряженность. Широко проводились различного рода митинги и собрания¹², в том числе под руководством радикальных политических партий (эсеров и социал-демократов)¹³. Активизировался в это время и процесс образования профессиональных союзов¹⁴. Формировались органы власти и самоуправления, параллельные существующим — Советы рабочих депутатов, в том числе один из главных организаторов будущего восстания — Московский совет рабочих депутатов¹⁵. Продолжались стачки рабочих московских заводов и фабрик, правда, имевшие по сравнению с октябрьским периодом меньший масштаб и преимущественно экономическую направленность¹⁶. Впрочем, уже в середине ноября Москве суждено было стать ареной крупнейшей политической забастовки — выступления почтово-телеграфных служащих, поднявшихся на борьбу, протестуя против увольнения части членов собственного профессионального союза, так и не признанного властью¹⁷. В скором времени стачке суждено было принять всероссийский характер, поставив под угрозу связь правительства с отдельными регионами¹⁸. Одновременно происходил рост числа органов печати, оппозиционных правящему режиму¹⁹, а также подготовка социал-демократами и эсерами вооруженного

---

⁹ Мицкевич С.И. Указ. соч. С. 408.

¹⁰ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 54-54 об.

¹¹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773.Т. 9. Л. 29

¹² Там же. Д. 784. Т. 1. Л. 22-22 об., 33, 153.

¹³ Там же. Л. 127.

¹⁴ Там же. Л. 362.

¹⁵ Мицкевич С.И. Указ. соч. С. 431.

¹⁶ Там же. С. 417; ЦГА Москвы. Ф. 475. Оп. 17. Д. 817. Л. 261.

¹⁷ Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005 г. С.330.

¹⁸ Мицкевич С.И. Указ. соч. С. 417.

¹⁹ Там же. С. 423.

восстания.²⁰ Как видно, такая обстановка требовала от властей принятия нестандартных и оперативных решений.

На первый взгляд, властный потенциал руководителей Москвы — генерал-губернатора и градоначальника — производит, с одной стороны, формально высшие административные чины Первопрестольной обладали практически неограниченными контрольными, распорядительными и полицейскими полномочиями. Так, генерал-губернатор отвечал за общественную безопасность и благосостояние, здравоохранение, финансы, личный состав местного управления, ему подчинялись все части и чины московской администрации. Московский градоначальник же управлял столицей «в административном и полицейском отношении» на правах губернатора, возглавлял силы столичной полиции.²¹ Власть высших административных чинов Первопрестольной была еще более усилена знаменитым «Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 1881 г.²² и Именным Высочайшим Указом Сенату от 29 ноября 1905 г. (наделявшими руководителей Москвы широкими полномочиями по реализации режима чрезвычайного положения)²³.

Однако эти необъятные компетенции на деле были сильно ограничены. Силовой потенциал, имевшийся в распоряжении московской власти, был явно недостаточен: около 2 тысяч полицейских и 15 тысяч солдат, сильно утомленных постоянным выполнением охранительных функций и деморализованных создавшейся обстановкой²⁴. Более того, профессиональные качества московской полиции невысоко

---

²⁰ Там же. С. 430; ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 784. Т. 1. Л. 144

²¹ СЗ РИ. Т. II. Ст. 204-262; 3. ПСЗ. Т. 25. Ст. 25603; ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 14. Д. 89. Л. 1об.-2

²² Российская монархическая государственность на последнем этапе истории: 20 октября 1894 — 3 марта 1917 гг. / Под ред. Н.Д. Ерофеева. М., 2014 г. С. 572-575.

²³ Там же. С. 159.

²⁴ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 148; Царизм в борьбе с революцией 1905-1907 гг. / Под ред. А.К. Дрезена. М., 1936 г. С. 100; Первая революция в России...С. 367.

оценивались самими руководителями Москвы²⁵. Не блистала московская власть и своими финансовыми возможностями: на протяжении почти всего указанного периода генерал-губернатор и градоначальник стремились получить от МВД средства для оплаты счетов по содержанию полицейских и солдат, находившихся в особых нарядах.²⁶

Уже отмечалась выше качественно новая для администрации общественно-политическая обстановка в Москве и в стране в целом. На ее восприятие генерал-губернатором и градоначальником накладывали отпечаток противоречивые распоряжения центрального правительства. Так, циркуляры Департамента Полиции МВД от 20 и 26 октября серьезно ограничивали сферу применения «Положения об охране».²⁷ Сложившаяся обстановка совершенно не соответствовала представлениям представлениями об оптимальных мерах борьбы с революционным движением руководителей Первопрестольной. Их взгляды главным образом восходили к вышеупомянутому «Положению об охране». Так, в письме управляющему МВД П.Н. Дурново, его московский однофамилец, генерал-губернатор П.П. Дурново требовал разрешения на принятие таких мер, как усиление гарнизона и полиции Первопрестольной и высылка или заключение под стражу зачинщиков беспорядков. Близок к своему «коллеге» был и градоначальник барон Г.П. Медем, заявивший в своем прошении об отставке, поданном П.Н. Дурново, что «возможность поддержания законного порядка в столице» может быть гарантирована лишь «благодатной реакцией» (то есть открытой борьбой с революцией)²⁸.

На эти факторы накладывались также личные качества глав административного аппарата (леность и бездеятельность

---

²⁵ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 553. Л. 2, 9; Царизм в борьбе с революцией... С. 100

²⁶ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 145. Л. 62-62об., 73, 74, 81-82 об.

²⁷ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 9. Л. 27-27 об., 28.

²⁸ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 147; Царизм в борьбе с революцией... С. 99

генерал-губернатора П.П. Дурново, заурядность и безынициативность градоначальника Г.П. Медема, осложнявшиеся напряженными отношениями между ними²⁹). Следовательно, совокупность данных обстоятельств не способствовала выработке московской властью решительного и продуманного курса борьбы с революционной угрозой.

И, наконец, исследование мер, предпринимаемых властью в борьбе с революционным движением, показало, то администрация для решения этой задачи использовала средства, которые можно условно разбить на три группы.

Первую можно назвать «административно-полицейскими». Во-первых, к ним относились аресты и прочие взыскания за нарушение обязательных постановлений администрации (имевших своим правовым источником «Положение об охране»)³⁰. Выносились эти взыскания градоначальником Медемом в его ежедневных «Приказах по Московскому Градоначальству и Столичной Полиции». Например, 2 декабря 1905 г. он приговорил крестьянина Ивана Ильина «за принуждение с угрозами рабочего телефонного общества прекратить работы» к трехмесячному аресту при полиции³¹. На период «дней свобод» приходится и новое обязательное постановление этого типа - «О забастовках», изданное Медемом 20 ноября и воспрещавшее принуждать кого-либо к прекращению работы или препятствовать «угрозами или силою» выполнению служебных обязанностей³². Производились властью и аресты на основании непосредственно «Положения об охране», самыми известными из коих были случаи лишения свободы руководства Делегатского съезда Крестьянского Союза 14 ноября и членов Союза почтово-телеграфных служащих 21 и 26 ноября³³. В-третьих, в комплекс административно-полицейских мер

---

²⁹ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. М., 1960 г. С. 169-170; *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 1. М., 1997 г. С. 65-66, 99-100.

³⁰ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 76. Л. 71-86 об.; Ф. 46. Оп. 22. Д. 37. Л. 957-1086 об.

³¹ Там же. Ф. 46. Оп. 22. Д. 37. Л. 1068 об.

³² Там же. Оп. 14. Д. 21. Л. 1-3.

³³ Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 74. Л. 178-200 об.; Оп. 95. Д. 261. Л. 174-228.

входила политика по разрешению и запрещению митингов³⁴. Так, 28 и 31 октября 1905 г. Медем в довольно категоричном тоне запретил проведение митингов партий эсеров и социал-демократов, санкционированных городской Думой³⁵.

Немаловажную роль в борьбе московской администрации с революцией играли и меры второй группы - военно-полицейские. Они главным образом сводились к использованию для предотвращения беспорядков особых нарядов войск и полиции³⁶. Выбранные для этого части посылались для охраны стратегически важных объектов (резиденций генерал-губернатора и градоначальника, ряда полицейских домов и участков, Почтамта, Телефонной Станции, Театральной площади), а также для охраны фабрик и других учреждений, которым грозила опасность забастовки или погромных действий революционно настроенных толп³⁷. Так, 8 ноября 1905 г. пристав 1 участка Лефортовской части донес Медему о «бесчинствах толпы рабочих», с чем не мог справиться наряд полиции. В ответ градоначальник распорядился прислать наряд³⁸. Назначались наряды по письменным и устным обращениям частных лиц к главе московской администрации. К примеру, 22 октября 1905 г. директор Русского Музыкального Общества телеграфировал Медему за содействием в борьбе против «толпы манифестантов», три дня подряд митинговавшей во вверенном ему здании. Градоначальник вошел в положение и выделил роту пехоты для охраны помещения³⁹.

И в качестве третьей группы мер можно назвать следующие периферийные действия администрации: поиск

---

³⁴ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 784. Т. 1; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 172, 175, 176.

³⁵ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 784. Т. 1. Л. 7-7 об., 21.

³⁶ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 21; 41.

³⁷ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. 9. Л. 24-24 об., 155, 168; ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 20. Л. 181-181 об.

³⁸ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. 9. Л. 168.

³⁹ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 20. Л. 181-181 об.

союзников в среде правых радикалов-черносотенцев⁴⁰, попытки вмешаться в деятельность Главного Управления по делам печати⁴¹ и поощрение доноительства⁴².

Насколько были успешными эти меры? Их результаты заставляют усомниться в их эффективности.

Количество лиц, подвергавшихся взысканиям за нарушение обязательных постановлений, неуклонно возрастало. Так, число нарушителей правила «Об ограничении пользования оружием и взрывчатыми веществами» составило с середины октября по середину ноября 26 человек, а с середины ноября по середину декабря — 92 человека⁴³. При этом, не получая санкции на более широкое применение «Положения об охране», генерал-губернатор и градоначальник до поры до времени ограничивались борьбой с частными нарушениями обязательных постановлений и не били тревогу даже в довольно серьезных случаях. Так, служащий Николаевской железной дороги Егор Хохлов за хранение «4 винтовок системы Винчестера и 500 штук боевых патронов к ним, 10 револьверов «Para bellum» и к ним 500 патронов, 15 револьверов системы «Нагана» и 500 штук боевых патронов к ним, 2 револьверов «Смита и Вессона», к ним 150 штук патронов и 300 штук патронов к револьверам «Маузер» (т. е. целого склада боеприпасов) отделался обычным взысканием⁴⁴. Для сравнения, обнаружение в подвале знаменитой булочной Д.И. Филиппова бомб после Декабрьского восстания вызвало неподдельный интерес властей⁴⁵.

Аресты делегатов Делегатского съезда Крестьянского союза и участников забастовки почтово-телеграфных служащих (предпринятых во многом под влиянием руководства МВД)⁴⁶ не

---

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. 9. Л. 18, 23, 171, 226; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 34-37.

⁴¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 278. Л. 4-5.

⁴² Там же. Д. 288. Л. 5, 6, 7-8; Д. 9. Л. 99-99 об., 103, 107.

⁴³ Там же. Оп. 237. Д. 76. Л. 83-84 об.

⁴⁴ Там же. Д. 72. Л. 260-260 об.

⁴⁵ Там же. Д. 90. Т. 2. Л. 49-54 об.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 231, 241, 242; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 174, 176, 179, 206, 221.

привели к желаемым для власти результатам (во всяком случае, на первых порах): эти события вызвали большой общественный резонанс⁴⁷. (Примечательно, что даже стражи порядка – члены наблюдательной полиции за местами заключения — заявили протест против содержания арестованных членов Бюро Крестьянского Союза после прекращения судебного следствия по их делу)⁴⁸.

Несмотря на формальные запреты «крамольных» митингов градоначальником, представители радикальных партий продолжали, пользуясь фактическим бездействием сил правопорядка, без всяких препятствий выступать на митингах, читать лекции, вести пропаганду на фабриках⁴⁹. Часто составной частью этих «бесед» были призывы к вооруженному восстанию и даже сбор средств на него⁵⁰. «Митингомания» охватила даже часть сил, непосредственно ответственных за порядок — дворников, даже полицейских и военных⁵¹.

Измотанные службой в особых нарядах (длившихся порой по несколько дней)⁵² и деморализованные солдаты и городовые не без труда справлялись с пресечением «смуты»⁵³. Что касается отношения администрации к своим потенциальным союзникам в деле борьбы с революцией - «черносотенцам», четкой позиции в этом деле Дурново и Медем не заняли, отдавая подчиненным противоречивые указания, колеблющиеся от неявной поддержки «союзников» до дистанцирования от их действий⁵⁴. Вмешательство же московской власти в дела печати и поддержка доноительства были явлениями эпизодическими

---

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 384, 386, 387, 456; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 247-248 об., 249.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 385.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 784. Т. 1. Л. 126; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 130-130 об.; *Мицкевич С.И.* Указ. соч. С. 413-415.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 784. Т.1. Л. 127; 144.

⁵¹ Там же. Л.207, 280; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 157; *Мицкевич С.И.* Указ. соч. С. 413-415.

⁵² ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 41. Л. 62-62 об.

⁵³ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. 9. Л. 168; ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 41. Л. 62-62 об.

⁵⁴ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 20. Л. 135, 137, 227-227 об., 299, 303, 307; ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. 9. Л. 171, 226.

и не всегда приводящими к практическому результату⁵⁵. Так, генерал-губернатор Дурново не довел до логического конца рассмотрение доноса прислуги на известную меценатку В.А. Морозову⁵⁶. Следовательно, действия московской власти, во многом под влиянием факторов, рассмотренных выше, оказались малоэффективными.

Таким образом, приняв во внимание вышеупомянутые выводы, следует прийти к заключению, что московская власть не проводила в «дни свобод» политики, действительно способной справиться с готовящимся вооруженным восстанием, и вряд ли была в состоянии это сделать.

---

⁵⁵ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 288. Л. 5,6, 7-8; Д. 9. Л. 99-99 об., 103, 107; Д. 278. Л. 4-5.

⁵⁶ Там же. Оп. 237. Д. 74. Л. 258.

---

*Русин Д. О.*¹

Восстание Царкосельского гарнизона в дни Февральской революции

Февральская революция, безусловно, является переломным моментом в истории России. Именно благодаря ей пала самодержавная монархия — важнейший и основополагающий для России политический институт, который на протяжении веков являлся фундаментом сначала Московского царства, а затем и Российской империи. И нельзя не признать, что революция кардинальным образом сменила политический строй и тем самым открыла новую страницу в истории нашего государства.

Важнейшими сюжетами этого исторического события являются, во-первых, само революционное выступление в Петрограде и, во-вторых, отречение Николая II в Пскове в пользу своего брата Михаила Александровича. Именно на этих эпизодах большинство исследователей, занимающихся Февральской революцией, останавливают своё внимание.

Тема же нашего доклада, касающаяся событий в Царском Селе, далеко не так хорошо изучена, и для историков, занимающихся данным периодом, она представляла собой второстепенное значение. Отчасти из-за этого мы решили осветить Февральскую революцию именно в таком аспекте. Не стоит забывать, что Царское Село с 1905 года являлось императорской резиденцией, там жила царская семья, в Александровском дворце принимались послы и министры. К тому же, здесь располагалась элита императорских войск — Гвардейская стрелковая бригада.

Целью данной работы является выяснить, каковы были причины восстания военного гарнизона в Царском Селе и

---

¹ © Русин Д. О.

существовала ли возможность для его предотвращения и ликвидации.

К началу Первой мировой войны гарнизон Царского Села состоял из двух кавалерийских (лейб-гвардии Кирасирского и Гусарского) и трёх стрелковых (лейб-гвардии 1, 2 и 4-го) полков, которые совместно с лейб-гвардии третьим стрелковым полком, квартировавшимся на Вознесенском проспекте в Петрограде, составляли Царскосельскую стрелковую бригаду². Кроме того, в городе размещалась Офицерская артиллерийская школа, где повышали квалификацию артиллерийские офицеры. С началом боевых действий в местах дислокации воинских частей, ушедших на фронт, с целью подготовки пополнения были образованы запасные подразделения (батальоны, дивизионы, команды, сотни и др.), причём они составляли преобладающую часть гарнизона³. Так, к первому января 1917 года в Царском Селе квартировали запасные батальоны четырёх гвардейских стрелковых полков, дивизион 1-й запасной тяжёлой артиллерийской бригады⁴. Что касается общей численности, то она составляла около тридцати тысяч нижних чинов и офицеров всевозможных запасных частей⁵. Именно стрелки запасных батальонов и примкнувшие к ним артиллеристы и составили основу революционизированных частей. За охрану непосредственно самого Александровского дворца отвечал дворцовый гарнизон в составе лейб-гвардии 2-й Кубанской сотни и 3-й Терской Собственного Его Императорского Величества Конвоя, батальона (две-три роты) Собственного Его Императорского Величества сводного пехотного полка и роты Железнодорожного полка⁶.

---

²Трошин Д.Ю. Царскосельский гарнизон в дни революционных событий// Военно-исторический журнал. №6. М., 2012. С. 37.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Галушкин Н.В. Собственный Его Императорского Величества Конвой. М., 2004. С. 248.

Стоит отметить, что верховная власть была обеспокоена тем, что в Царском Селе и Петрограде было сосредоточено так много запасных батальонов, верность которых подвергалась сомнению. Так, А. А. Вырубова вспоминает: «Государь высказывал сожаление, что в Петрограде и Царском Селе нет настоящих кадровых войск, и выражал желание, чтобы полки гвардии поочерёдно приходили в Царское Село на отдых <...>»⁷. Николай II приказал Гвардейскому Экипажу выступить с фронта, однако начальник штаба Верховного главнокомандующего Василий Иванович Гурко издал контрордер. Тогда «Государь вторично приказал Гвардейскому Экипажу следовать в Царское Село, но, не доходя до Царского, снова полк был остановлен высшими властями под предлогом карантина, и только после третьего приказания Его Величества полк прибыл в Царское Село»⁸. Сам В. И. Гурко в мемуарах пишет, ссылаясь на начальника Петроградского военного округа Сергея Семёновича Хабалова, что в столице не было места «для расквартирования даже одного кавалерийского полка, не говоря уже о двух дивизиях»⁹. Что касается Царского Села, то «император ограничился присылкой с Чёрного Моря Гвардейского Флотского Экипажа»¹⁰.

Действительно, пятнадцатого февраля из Измаила прибыл батальон Гвардейский Экипажа вместе с великим князем Кириллом Владимировичем. Но, по утверждению историка В.М. Хрусталёва, это в какой-то мере противоречило воле императора, который «просил генерала В. И. Гурко в первую очередь вернуть какой-нибудь л.-гв. Кавалерийский полк или дивизию на отдых с фронта в окрестности Петрограда»¹¹. Минц отмечает, что вместо двух кавалерийских дивизий – казачьей и гвардейской – Гурко прислал «заведомо ненадёжных моряков

---

⁷ Фрейлина Её Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. С. 196.

⁸ Там же. С. 197.

⁹ *Gourko V. War and revolution in Russia 1914-1917.* New York, 1919. С. 320.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Хрусталёв В.М. Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны.* М., 2012. С. 147.

2-го гвардейского экипажа»¹². Императрица Александра Фёдоровна упоминает об этом эпизоде в письме своему мужу: «Гурко не хочет держать здесь твоих улан, а Гротен [дворцовый комендант в Царском Селе в 1916-1917 годах — *Д. Р.*] говорит, что они вполне могли бы разместиться»¹³. Об этом же вспоминает и А. А. Вырубова: «Государь приказал уланам Его Величества следовать в Царское. Но Государь рассказывал, что приехавший генерал Гурко под разными предложениями отклонил его приказание»¹⁴. Последний министр внутренних дел Российской империи Александр Дмитриевич Протопопов давал показания на допросах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, где в частности коснулся и этого эпизода: «Позже я слышал от царя, что он приказал ген. Гурко прислать в Петроград части гвардейской кавалерии (помнится, улан) и казаков, но что Гурко выслал не указанные части, а другие, в том числе моряков (кажется, 2-го Гвардейского Экипажа), считавшихся менее надёжными (пополнялись из фабричного и мастерового контингента)»¹⁵.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что стремление власти расположить в Царском Селе и Петрограде верные престолу части сталкивалось с большими трудностями: выполнение приказа тормозилось генералом В. И. Гурко.

На основе дневника полковника лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка Н.А. Артабалева, воспоминаний командира лейб-гвардии 2-го Стрелкового Царскосельского полка Э.А. Верцинского, Татьяны Мельник-Боткиной, дочери лейб-медика царской семьи Евгения Сергеевича Боткина, полковника Собственного Его Императорского Величества Конвоя Николая Васильевича

---

¹² *Миц И.И.* История Великого Октября. Т.1. М.,1967. С. 399-400.

¹³ Переписка Николая и Александры Романовых. 1914-1917 гг. М.; Л., 1923-1927. Т. 5. С. 219.

¹⁴ Фрейлина Её Величества... Там же.

¹⁵ Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 57.

Галушкина, а также солдата 1-го запасного батальона мы составили хронологию восстания гарнизона в Царском Селе:

25-26 февраля — в Царском сохранялась спокойная обстановка, но сведения о революции в Петрограде начинают проникать сюда. В Колпино отправляется рота под командованием Алексева для воспрепятствования движения бастующих рабочих;

27 февраля — из Царского Села в Петроград по приказу С. С. Хабалова высылается отряд стрелков, так как власти не справляются своими силами. На офицерском собрании командующие решают ждать приезда генерала Иванова из Ставки и, если потребует Госдума, подчиниться ей.

28 февраля — переломный день: в три часа дня начинается восстание 1-го стрелкового запасного батальона, возглавляемого капитаном Аксютой. В ночь на 1 марта к нему присоединились 2, 3 и 4-й полки, тяжёлая артиллерийская бригада. Власть — у выборных комитетов, которые пытаются сохранять среди солдат дисциплину, запрещая убийства офицеров и выдвигая лозунг войны до победного конца.

1-2 марта — экспедиция генерала Иванова провалилась, последняя попытка подавить революцию не удалась.

В ходе исследования мы приходим к выводу о том, что основными причинами восстания гарнизона послужили:

- 1) недостаток кадровых офицеров, замена их прапорщиками, поспешно прошедшими военные училища и не имевшими достаточного опыта и авторитета.
- 2) сосредоточение большого количества нижних чинов и солдат из сформированных во время Первой Мировой войны запасных батальонов, которые были подвержены революционной пропаганде.
- 3) Ухудшение питания солдат и бытовых условий проживания в казармах (скуденность и антисанитария, «скверная» пища).

Томилин А. Р.¹

Русская армия и революция 1905 года

Революция 1905 года была вызвана нерешённостью многих важнейших вопросов в русской жизни. Положение в стране усугублялось войной с Японией и началом революции, разраставшейся, охватывавшей всю страну, и затронувшую армию и флот, что не давало возможности проведения начатых правительством преобразований, например, решения аграрного вопроса. Для успокоения страны, была задействована армия, которая уже была затронута революционным брожением. В 1905 году, армия выполняла ряд следующих задач:

1. Ведение войны с Японией.
2. Усмирение национального и революционного движения на окраинах Империи (Польша, Финляндия, Закавказье, Прибалтика)
3. Контроль за нормальным функционированием жизни в стране.

Эти обязанности становилось нести всё тяжелее. Огромное количество запасных солдат и матросов, призванных в 1904 году, и убыль кадровых войск и офицеров на Дальний Восток привели к тому, что в казармы оказались забиты людьми, над которыми не было толкового управления. Армия, в чью прямую задачу входило обеспечение безопасности в воюющей стране, стала весной 1905 года разлагаться и бунтовать, и у власти прибавилась задача ликвидации бунтов в армии и на флоте. Почему войска выходили из повиновения?

Военный министр, генерал от инфантерии Александр Фёдорович Редигер, обозначал эти проблемы: «После своего назначения я на листке, который носил при себе, стал записывать вопросы, требовавшие ближайшего разрешения.

---

¹ © Томилин А. Р.

Вот содержание этого листка... «...» Унтер-офицеры. Казармы. Офицеры запаса. Быт нижних чинов. «...» Интендантские запасы. Постройка вещей интендантством. Организация медицинской части. «...» Усиление запасных войск. «...» Комитет по образованию войск. Сокращение строевых, отвлекаемых из строя»² О состоянии войск на рубеже 1904-1905 годов отлично отмечал киевский генерал-губернатор, генерал-лейтенант Владимир Александрович Сухомлинов: «Внутреннее состояние полков было довольно плачевно: ни сапог, ни обмундирования, ни запасов, ни обоза в наличии не имелось... «...» Настоятельным долгом нашим было принять все меры к восстановлению боеспособности наших вооруженных сил. Командующие войсками без всяких прикрас доносили о состоянии вверенных им войск точно так, как и я заявлял об опасности упадка дисциплины в рядах, возвращающихся из похода. Сильно колебалось доверие к войскам и среди населения»³.

Столь обширное цитирование позволяет получить вкратце картину причин упадка состояния войск и понять, почему они оказались столь восприимчивы к революционной агитации и пропаганде. Сами бывшие моряки вспоминали о немых казармах, скверной пище, большой скученности и жестоком обращении офицеров. Ещё это усугублялось активной работой революционных организаций в войсках, и тем, что солдаты и матросы могли свободно посещать митинги и собрания, распространялась нелегальная литература, действовавшая на сознание военных⁴, что приводило к беспорядкам и восстаниям воинских частей.

Восстания происходили, как правило спонтанно, под действием агитации, при наличии революционной ячейки в части или на судне. У восставших часто не было никакого

---

² Редигер А.Ф. «История моей жизни» Т. II. М.: Кучково поле, 1999. С. 200.

³ Сухомлинов В.А. «Воспоминания». Берлин: Универсальное русское издательство, 1924. С. 152.

⁴ Глебов А.А. «Кронштадт в 1905-1906 гг.». М.: Военное издательство министерства обороны Союза ССР, 1956. С. 2, 30.

управления, толковых командиров, и организации. Что имелось на стороне правительственных частей?

Офицерский состав оставлял желать лучшего. Это были или престарелые полковники и капитаны 1 ранга, с строевиками поручиками, лейтенантами и неопытными выпускниками юнкерских училищ⁵. Но на их стороне была умелая организация, и поэтому небольшой отряд солдат мог вполне успешно справляться с целой восставшей крепостью. Рассмотрим отдельные случаи подавлений крупных мятежей в войсках и в важных центрах государства.

Два восстания в Кронштадте, в октябре 1905 и июле 1906 годов, были очень легко разогнаны силами войск, подтянутых сюда. Большая и неорганизованная толпа матросов не смогла даже элементарно создать оборону, часть просто начала грабить и мародёрствовать в охваченном анархией городе, что привело к быстрому разгону её силами 94 Енисейского пехотного полка. Для подавления аналогичного восстания в Севастополе хватило сил 64 Брестского пехотного полка, который смог взять штурмом баррикады моряков и разогнать остальных.

При восстании в Свеаборге и на крейсере Очаков, понадобились силы флота, когда восставшую крепость подавили сначала обстрелом корабельной артиллерии броненосца «Цесаревич», потом блокирована силами гвардейцев, переброшенных в Финляндию из Красносельского лагеря.

В крупном центре Империи – Москве, войска оказались малочисленными, и все были заняты на охране важных объектов (железнодорожные станции, государственные и городские учреждения). Поэтому на помощь московскому гарнизону был отправлен отряд полковника Г.А.Мина, состоявший из сил Лейб-гвардии Семёновского полка. Отряд Мина, смог, контролируя вокзалы зачистить Москву от боевиков революционных дружин, сравнительно малыми силами, и поставить под контроль московский

---

⁵Глебов А.А. Указ. соч. С. 2.

железнодорожный узел. Дальнейшая операция шла уже по очищению Казанской железной дороги, силами полковника Римана, действовавшего в основном арестами местных комитетов, порками бунтовщиков, и расстрелами сопротивлявшихся. Это дало возможность отправить отряд семёновцев под командованием барона Меллер-Закомельского на усмирение Транссибирской магистрали. Навстречу им двигался с Дальнего Востока отряд генерала П.К. Ренненкампа. Малыми силами, разгоня неорганизованных мятежников, применяя оружие в случае сопротивления, два отряда смогли разогнать бунтовщиков и соединиться.

На национальных окраинах, как например в Польше, применялась тактика удержания под контролем населённых пунктов, как это было применено в Варшаве генерал-лейтенантом Скалоном, или в Калише полковником Келлером. Патрулирование города войсками, усиленные наряды и караулы, позволяли держать под контролем жизнь города и применять силу в случае выступления, как это было в Лодзи. После рассмотренных примеров подавления восстаний, можно сделать несколько выводов. Армия в 1905 году представляла собой скопище запасных в казармах, с отвратительным содержанием и жёсткой дисциплиной, что привело к волнениям в войсках. Но отсутствие организации, боевой выучки и просто стихийность движения сделали восставших лёгким противником для верных присяге частей. На их стороне была организация, умелое руководство, решительность командиров и умелая тактика ведения борьбы, поэтому малых частей, сил 1 полка вполне хватало для наведения порядка или усмирения большого восстания, что привело к наведению порядка на территории Российской империи.

Сергушкин С. С.¹

**Генерал А.Е. Эверт и отречение императора
Николая II: Революция и эмиграция.
К вопросу о причинах послеоктябрьской
эмиграции научной интеллигенции**

Позиция высшего военного командования русской армии в судьбоносные для Российской империи дни Февральской революции - проблема чрезвычайно интересная, но при этом освещенная в историографии недостаточно. Известно, что все главнокомандующие фронтами русской армии рекомендовали императору Николаю II отречься от престола, однако обстоятельства того, как выработывалась эта консолидированная позиция, до сих пор во многом покрыты мраком неизвестности. В данной статье мы рассмотрим, как формировалось мнение главнокомандующего армиями Западного фронта Алексея Еромолаевича Эверта.

26 или 27 февраля Эверту стало известно о волнениях в Петрограде. Генерал надеялся на мирное разрешение ситуации, чтобы «не пришлось прибегать к крутым мерам», которых он не хотел, но к которым явно готовился. Главной заботой Алексея Еромолаевича в условиях волнений было поддержание нормального функционирования железных дорог. Генерал указывал, что если продовольственные запасы Петрограда были более чем достаточны, то на фронте их едва ли хватило бы на 3 дня. Задержись подвоз на один день, начался бы недостаток продовольствия в армии, что могло бы в привести к вполне понятным последствиям в сложившейся ситуации². Эверт отдавал самые решительные распоряжения по этому вопросу: командующим армиями приказывалось немедленно

---

¹ © Сергушкин С. С.

² ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 4 – 4 об.

подготовить подвижные резервы в необходимом размере с пулеметами под начальством энергичных, твердых командиров, обеспечив быструю посадку этих резервов на поезда³.

Ситуация продолжала накаляться. 1 марта генерал получил две телеграммы от председателя Государственной думы М. В. Родзянко, в которых говорилось, что ввиду устранения от управления всего состава бывшего Совета министров, правительственная власть перешла к Временному комитету Государственной Думы. Сначала Алексей Ермолаевич предполагал ничего не отвечать, однако подумал, что это может иметь вид принятия телеграмм к сведению или, еще хуже, к исполнению. Эверт предполагал ответить просто: «армия присягала своему государю и родине, ее обязанность исполнять повеления верховного вождя и защищать родину»⁴, но перед тем как ответить, генерал хотел знать мнение М. В. Алексеева — Начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Не имея возможности вдаваться в детали, нам следует лишь отметить, что телеграмма Алексеева на имя председателя Государственной Думы была совершенно иной по содержанию и тону, нежели предполагаемый ответ Эверта, во всяком случае, ничего об «обязанности исполнять повеления верховного вождя» в ней найти не удастся. Судя по всему, Алексей Ермолаевич после получения текста телеграммы своего непосредственного начальника, решил свой ответ Родзянко не отправлять⁵.

Главнокомандующий армиями Западного фронта весьма настороженно воспринял революционные события и отнюдь не спешил следовать в их фарватере, однако вынужден был действовать с оглядкой на Ставку, которая вела свою игру. В ее рамках генерал Алексеев поручил своему помощнику — Владиславу Наполеоновичу Клембовскому связаться с главнокомандующим Западным фронтом, дабы просить (а судя по развернутой аргументации - уговорить) того советовать

---

³ Телеграфная переписка Ставки, Петрограда и командующих фронтами в феврале-марте 1917 // Красный архив, 1927. Т. 2. С. 17.

⁴ Там же. С. 36-37.

⁵ Там же. С. 50-51.

императору отречься от престола. Не имеет смысла приводить текст этого обращения, важнее процитировать замечание на него: «Этот вопрос (династический — С. С.) может быть разрешен безболезненно для армии, если только он будет решен сверху. В противном случае, несомненно, найдутся элементы, враждебные тому или другому решению, а может быть, и желающие ловить рыбу в мутной воде»⁶. Таким образом, Эверт дает четко понять, что последнее слово должно остаться за императором, даже если его решение не будет соответствовать чьим-либо взглядам.

Взвесив все за и против, Алексей Ермолаевич, тем не менее, написал на имя императора телеграмму: «Ваше Императорское Величество. Начальник штаба Вашего Величества передал мне обстановку, создавшуюся в Петрограде, Царском селе, Балтийском море и Москве, и результат переговоров генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной Думы. Ваше Величество, на армию в настоящем ее составе рассчитывать при подавлении внутренних беспорядков нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения России от несомненного порабощения злейшим врагом родины при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникли в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столицах нет никаких. Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению беспорядков и к сохранению армии для борьбы против врага. При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству верноподданный умоляет Ваше Величество, во имя спасения родины и династии, принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной Думы, выраженным им генерал-адъютанту Рузскому, как единственное, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии»⁷.

---

⁶ Телеграфная переписка Ставки ... С. 67-68.

⁷ Там же. С. 73.

В действительности Эверт оценивал ситуацию иначе и поделился своими мыслями во время прощания с женой, которая по его настоянию уезжала в Смоленск: «Знаешь, что мне пришлось сделать - нарушить клятву, обратившись к Государю с просьбой отречься от престола, все главнокомандующие обратились с этой просьбой, считают, что это единственное, что может спасти Россию и сохранить фронт. Я плохо в это верю, но открыть фронт мы не имеем права перед Родиной»⁸. Алексей Ермолаевич не видел необходимости в смене монарха (во всяком случае, во время войны), но не считал возможным в сложившейся ситуации снять войска с фронта для его поддержки. Кроме того, вполне очевидно, что генерал не хотел идти против других представителей высшего военного командования, среди которых он был, вероятно, в своих взглядах одинок.

---

⁸ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 4 об. - 5.

Мошечков П. В.¹

**Чешско-словацкий корпус и Гражданская война
в России в оценке современников событий
(К. В. Сахаров – В. С. Драгомирецкий)**

Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус был сформирован в составе российской армии в сентябре 1917 г. 25 января 1918 г. он был официально признан частью автономной Чехословацкой армии во Франции². В годы Гражданской войны в России корпус стал одной из сил, оказавших непосредственное влияние на деятельность возникших в Сибири контрреволюционных правительств. Проблема участия Чешско-Словацкого корпуса в Гражданской войне стала предметом для многочисленных дискуссий уже в межвоенный период. В трудах современников, посвященных событиям, связанным с эвакуацией данного воинского подразделения из России и его участием в Гражданской войне, зачастую присутствуют две кардинально противоположные точки зрения. Одни авторы негативно оценивают деятельность политического руководства и командования корпуса, а также рядовых легионеров, считая их виновниками неудач Белого движения в Сибири. Другие пытаются встать на их сторону и, по возможности, оправдать их действия.

Примером первой точки зрения могут послужить две работы, написанные генерал-лейтенантом К. В. Сахаровым³.

---

¹ © Мошечков П. В.

² *Ненашева З. С.* Введение. // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914 – 1920. Документы и материалы. Т.1.: Чешско-словацкие воинские формирования в России: 1914 – 1917 гг. М., 2013. С. 28.

³ **Константин Вячеславович Сахаров (1881 – 1941)** – один из крупнейших деятелей белого движения в Сибири, в годы Гражданской войны бывший одним из военачальников адмирала Колчака. Родился в Оренбурге, в семье генерал-майора. Был участником русско-японской войны 1904-1905 гг. С началом Первой

Речь пойдет о его воспоминаниях «Белая Сибирь: (Внутренняя война (1918 – 1920 гг.))»⁴, а также его монографии «Чешские легионы в Сибири (чешское предательство)»⁵, полностью посвященной военной и политической деятельности корпуса в Сибири.

Книга генерал-лейтенанта К. В. Сахарова «Белая Сибирь» освещает ход Гражданской войны в Поволжье и Сибири в период с 1918 по 1920 гг. Ее пятая глава посвящена Чешско-

---

мировой войны поступил на службу в Главное управление генерального штаба (ГУГШ), где был исполняющим должность помощника делопроизводителя; с 27 октября 1917 г. занимал пост исполняющего должность начальника отделения генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. В 1916-1917 гг. он был начальником штаба 3-й Финляндской стрелковой дивизии, а затем был переведен в Ставку Верховного Главнокомандующего. Здесь он встретил Февральскую революцию. После выступления генерала Л. Г. Корнилова, К. В. Сахаров был арестован, но в скором времени освобожден. С 27 сентября 1917 г. он в течение некоторого времени числился в резерве чинов при штабе Киевского военного округа. После прихода к власти большевиков отправился на Дон в Добровольческую армию генерала Л. Г. Корнилова. В Астрахани он был арестован советскими властями и в течение 6 месяцев находился в заключении. После освобождения из тюрьмы поступил на службу в войска Директории и стал одним из помощников начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала В. Г. Болдырева. После прихода к власти А. В. Колчака Сахаров стал одним из его приближенных, исполняя при нем должность генерала для поручений. С 22 июня 1919 г. командующий Западной армией, переименованной 14 июля 1919 г. в 3-ю армию. 4 ноября 1919 г. был назначен главнокомандующим армиями Восточного фронта. Однако вскоре, в декабре 1919 г., он был смещен со своей должности за сдачу Омска и поражение армии адмирала Колчака и арестован. Из-под ареста он был освобожден 23 января 1920 г. генералом Каппелем после чего принял участие в его знаменитом «Ледяном походе». В 1920 г. он эмигрировал в Японию, откуда затем уехал в Германию. К. В. Сахаров умер в Берлине, в феврале 1941 г. См.: Русская армия в Первой мировой войне. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.htm?id=731> (дата обращения: 20.09.2016.); Сахаров Константин Вячеславович. // Хронос. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/saharov_kv.php (дата обращения: 20.09.2016.); Сахаров К. В. Белая Сибирь: (Внутренняя война 1918 – 1920 гг.). Мюнхен, 1924. С. 7.

⁴ Сахаров К. В. Белая Сибирь: (Внутренняя война 1918 – 1920 гг.). Мюнхен, 1923.

⁵ Его же. Чешские легионы в Сибири (чешское предательство). Берлин, 1930.

Словацкому корпусу⁶. Главную заслугу в «освобождении Сибири от банд кроваво-красной армии летом 1918 года» К. В. Сахаров приписывал белому офицерству. Так, в начале данной главы он отмечает, что, когда добровольцы чешско-словацкого корпуса погрузились «в эшелоны и направились через Сибирь во Владивосток, чтобы выбраться из России», из страха быть выданными «австро-германцам», а затем выступили против местных Советов, им «всюду... оказали помощь тайные организации русских офицеров и казаки»⁷. По мнению автора книги, «это был период героев». Сахаров отмечает, что «русские и чехи дрались вместе как братья, не считаясь жертвами и подвигами, видя перед собой общую священную цель – освобождение России от большевиков»⁸. Тем не менее, считает генерал-лейтенант, без поддержки, оказанной чешским и словацким легионерам со стороны белых организаций, выступление чехо-словаков было бы безуспешным. Ведущую роль в организации «мятежа» Чехословацкого корпуса Сахаров приписывает русским офицерам, служившим в корпусе (в первую очередь, Войцеховскому, Ушакову и Степанову)⁹. Таким образом, он

---

⁶ Глава V. Чехо-словацкий корпус. // *Сахаров К.В.* Указ. соч. С. 212 – 241.

⁷ Там же. С. 213 – 214.

⁸ Там же. С. 214.

⁹ В частности, К. В. Сахаров пишет в своих воспоминаниях, что «без помощи офицерских организаций восстание чехословаков не имело бы успеха, - на каждой станции, по уходе чехов, снова появлялись бы большевистские банды, борьба приняла бы затяжной характер в чужой для чехов стране, на железной дороге длиной в пять тысяч верст со всеми преимуществами на стороне красных; чехи были бы разбиты по частям и уничтожены». Далее он отмечает следующее: «Доблестное многострадальное русское офицерство встало с оружием в руках на всем пространстве от Волги до Тихого Океана и оказало братским славянским полкам могучую поддержку. Да и самые боевые действия чехо-словацких полков, имевшие такое славное начало, направлялись также русскими офицерами (как полковник Ушаков, павший в бою у Байкала, Войцеховский, Степанов и много других)». См.: *Сахаров К. В.* Белая Сибирь... С. 214. Сахаров также писал о том, что у чешских полководцев зачастую вообще отсутствовал какой-либо полководческий талант. При чтении его мемуаров можно найти строки о том, что основные военные операции проводились «русскими добровольцами-

стремится показать, что настоящими героями в деле освобождения Сибири от большевиков были не легионеры, а «русский офицер и доброволец», хотя они «ценили помощь братьев-чехов, рады были ей бесконечно и уступали в благодарности им первое место»¹⁰. Согласно его мнению, именно эта благодарность со стороны местного населения и белых правительств привела к тому, что легионеры вскоре начали ощущать себя хозяевами положения. В результате этого, отмечал автор, «забитые и полуголодные бедняки чехи», которым доставалась вся слава в победах над большевиками, «стали богатеть от русской щедрости, аппетиты у них разожглись, и очень скоро у чехов вошло в обычай – тотчас по занятии города, – нашими ли белогвардейцами или ими, – приступать уже просто к реквизиции русских казенных складов, налагая руку иногда и на частное имущество». Начался развал армии. Сахаров писал о том, что из рядов корпуса постепенно начали выбывать «чехи-герои» – те из руководителей корпуса и командиров его частей, которые были искренне преданны славянскому делу и готовы были сотрудничать с представителями Белого движения в их борьбе с большевиками. Вместо них в ряды корпуса «шли худшие элементы: брались пополнения из числа военнопленных, из концентрационных лагерей Сибири. Этими людьми начали заполнять небольшие кадры уже без всякой меры... Большинство из этих новых людей меняло убогую жизнь военнопленного концентрационного лагеря на почетное звание стрелка для того, чтобы получить новую нарядную одежду и сытую привольную жизнь; драться же, а тем более подвергать риску в боях свою жизнь они не желали»¹¹.

В мемуарах К. В. Сахарова чехи представлены также как воры, убийцы и грабители, нажившиеся на русском добре. Его воспоминания пестрят многочисленными доказательствами

белогвардейцами, отряды которых шли безропотно в подчинение чешским безграмотным офицерам и генералам». См.: Там же. С. 214.

¹⁰ Глава V. Чехо-словацкий корпус. // *Сахаров К.В.* Указ. соч. С. 214 – 215.

¹¹ Там же. С. 216.

захвата легионерами российского казенного имущества, часть которого они продавали на месте по завышенным ценам¹². Реквизиция ими большей части паровозов и вагонов на Транссибирской железной дороге, которые использовались военными частями корпуса для перевозки награбленного, привела к возникновению серьезных проблем с транспортом. В результате этого санитарные поезда и поезда с беженцами вынуждены были подолгу простаивать на запасных путях. В качестве доказательства Сахаров приводит цитату из статьи, опубликованной в № 14 издававшейся в Токио газеты «Дело России» за 1920 г. В ней можно найти следующее описание ситуации, сложившейся к тому моменту на железнодорожной линии:

«Много беззащитных стариков, женщин и детей были перебиты озверевшими красными, еще больше замерзло в нетопленных вагонах и умерло от истощения или стали жертвой сыпного тифа. Немногим удалось спастись из этого ада. С одной стороны надвигались большевики, с другой лежала бесконечная, холодная Сибирская тайга, в которой нельзя было разыскать ни крова, ни пищи...

Главными, если не единственными, виновниками всего этого непередаваемого словами ужаса были чехи. Вместо того, чтобы спокойно остаться на своем посту и пропустить эшелоны с беженцами и санитарные поезда, чехи силой стали отбирать у них паровозы, согнали все целые паровозы на свои участки и задерживали все, следовавшие на запад. Благодаря такому самоуправству чехов, весь западный участок железной дороги сразу же был поставлен в безвыходное положение»¹³.

Таким образом, К. В. Сахаров в своих мемуарах представляет чешско-словацких легионеров как безжалостных и бесчестных людей, эгоистов, заинтересованных только в своей эвакуации на Западный фронт и вывозе награбленного имущества. Именно они, по мнению автора, стали истинной

---

¹² Глава V. Чехо-словацкий корпус. // Сахаров К.В. Указ. соч. С. 222.

¹³ Там же. С. 230 – 231.

причиной развала Белого движения в Сибири, а также виновниками многих бед, зачастую приводивших к человеческим жертвам.

Через 7 лет в Берлине была издана другая книга К. В. Сахарова – «Чешские легионы в Сибири (чешское предательство)», в которой автор изложил свои взгляды на деятельность Чешско-Словацкого корпуса в России более пространно. Данный источник ещё более тенденциозен. Внимание читателя привлекает уже сам эпиграф этой книги – цитата, взятая автором из Евангелия Св. Луки: «Как тебе имя? Он сказал: «легион», потому что много бесов вошло в него». Таким образом, К. В. Сахаров сравнивает Чешско-Словацкий корпус со своеобразной демонической силой, способствовавшей своими действиями разрушению Белого движения в Сибири. Согласно его мнению, «Россия справилась бы сама со своей бедой, с революционной болезнью, с большевистским разгулом, если бы не злой, предательский удар в спину русских». Этот страшный удар, считает К. В. Сахаров, нанесли Белому движению именно чешско-словацкие легионеры. «Они, - пишет в своей монографии генерал-лейтенант, - предали русскую белую армию и ее вождя, они братались с большевиками, они, как трусливое стадо, бежали на восток, они совершали над безоружными насилья и убийства, они наворовали на сотни миллионов частного и казенного имущества и вывезли его из Сибири с собой на родину». Таковы были, по мнению автора монографии, «подвиги» чешских и словацких солдат и офицеров в России¹⁴.

В своём труде «Чешские легионы в Сибири (чешское предательство)» автор уделяет много места и высказыванию своих политических суждений. Так, он жёстко критикует панславизм (под панславизмом К. В. Сахаров подразумевает ту покровительственную политику, которая проводилась Российской империей по отношению к другим славянским народам). Панславизм называется автором «искусственной и

---

¹⁴ Сахаров К. В. Чешские легионы в Сибири (чешское предательство). С. 23.

выдуманной» идеей, более того, «смертельной болезнью» правительства России. Он и стал одной из причин, которые затем ввергли страну в революцию и Гражданскую войну. В то же самое время славянские народы, которым российское правительство всегда оказывало покровительство и поддержку, использовали панславистские идеи для защиты «своих мелких меркантильных интересов, глядя равнодушно на борьбу русских национальных отечественных сил с коммунистами, или даже помогая последним»¹⁵. Автор негативно отзывается о руководителях ЧСНС Т. Г. Масарике и Э. Бенеше, считая их лицемерными и продажными людьми, главными виновниками «чешского предательства». К. В. Сахаров обвиняет их также в неискренности: «Масарик и Бенеш, два видных чешских государственных деятеля... стараются украсить «анабазис» чехов словами восхищения, героизма и чести. Но ведь не могли не знать эти руководители чешского заговора всего того, что творилось их легионерами в Сибири, не могли не знать всего ужаса чешского предательства и трусливого бегства, всей грязи и грабежей»¹⁶.

Из всего, сказанного выше, можно сделать вывод, что сочинения генерал-лейтенанта К. В. Сахарова являются довольно тенденциозными. Их автор весьма резко отзывается о частях Чешско-Словацкого корпуса и их деятельности в Сибири в 1918-1920 гг., представляя их как полностью деморализованные военные соединения, которые не только всячески уклонялись от участия в военных действиях на стороне белых армий, но и промышляли разбоем и грабежом, а также спекуляцией.

Следует отметить, что обе работы К. В. Сахарова не дают полной и объективной картины деятельности Чешско-Словацкого корпуса в Поволжье и в Сибири. Более того, примечателен тот факт, что круг источников, используемых этим деятелем для обоснования своей критики в адрес Чешско-Словацкого корпуса, существенно ограничен и, скорее всего,

---

¹⁵ Сахаров К. В. Чешские легионы ... С. 28 – 29.

¹⁶ Там же. С. 121.

был им специально отобран. Так, в работах генерал-лейтенанта можно обнаружить небольшое количество цитат из статей, опубликованных в ряде номеров газеты «Дело России» за 1920 г., а также некоторых других газет («Русский голос», «Слово», «Japan Advertiser»). Эти материалы содержат в себе негативную оценку деятельности корпуса. Для описания бесчинств, творимых чешско-словацкими военными в Сибири используются также свидетельства очевидцев (в работе представлены два отрывка – воспоминания немецкого военнопленного Августа Шульце «Расстрел музыкантов Судетско-немецкой капеллы в Хабаровске»¹⁷ и «Расстрел венгерских военно-пленных офицеров»¹⁸). Согласно замыслу автора, материал этих заметок должен был продемонстрировать преступления, которые чешские и словацкие солдаты совершили в России по отношению к австрийским, венгерским и немецким военнопленным. Сахаров также приводит в своем труде отрывки из воспоминаний современников: книги «Чешские аргонавты в Сибири» неизвестного автора, писавшего под псевдонимом «Славянофил», мемуаров А. Гутмана-Гана «Белое дело» и некоторых других работ. Представлены в нем и выдержки из мемуаров Т. Г. Масарика «Мировая революция» и Э. Бенеша «Мировая война и наша революция». Однако в работах Сахарова отсутствует серьезный и комплексный анализ собранных источников. Все эти материалы используются автором, в основном, для разоблачения «преступных» замыслов и лицемерия руководителей Чехословацкой республики. Они, по замыслу генерал-лейтенанта, служат лишь подтверждением обвинений, высказываемых этим деятелем Белого движения в отношении легионеров и их командования и политического руководства.

Пример другой трактовки событий в Поволжье и в Сибири в годы Гражданской войны представлен в книге В. С. Драгомирецкого «Чехословаки в России. 1914 – 1920»¹⁹. О

---

¹⁷ Сахаров К. В. Чешские легионы ... С. 106 – 108.

¹⁸ Там же. С. 108.

¹⁹ Драгомирецкий В. С. Чехословаки в России: 1914 – 1920. Париж–Прага, 1928.

самом ее авторе известно немного. Из предисловия к данной монографии следует, что он принадлежал к славянофильским кругам и несколько раз встречался с одним из крупнейших деятелей этого течения русской общественной мысли Иваном Сергеевичем Аксаковым²⁰. Известно также, что Драгомирецкий был редактором-издателем славянофильского журнала «Русская беседа», а также членом Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. Еще до войны он посетил Чешские земли, где его поразили «великий патриотизм чехов и их неугасающее стремление быть в единении с славянами».²¹ В 1915 г. Драгомирецкий был «командирован Министерством Внутренних Дел на театр военных действий», где встретился с добровольцами первого чешского воинского формирования в составе русской армии – «Чешской дружиной», а также с военнопленными чешского и словацкого происхождения²².

В своем сочинении В. С. Драгомирецкий дает противоположную оценку действиям Чешско-Словацкого корпуса. Она содержится в третьей главе его книги, имеющей название «Обвинения и факты»²³. Данный раздел примечателен тем, что в нем автор монографии «Чехословаки в России» вступает в своеобразную полемику с генерал-лейтенантом К. В. Сахаровым, выразившим свои взгляды в рассмотренной выше книге «Белая Сибирь: Внутренняя война». Он является своеобразным ответом на жесткую критику деятельности чешско-словацких частей в России, представленную Сахаровым в его мемуарах.²⁴

---

²⁰ Знакомство Драгомирецкого с Аксаковым произошло незадолго до смерти последнего. От автора. // *Драгомирецкий В. С.* Указ. соч. С. II.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Глава III. Обвинения и факты. // *Драгомирецкий В. С.* Указ. соч. С. 122 – 194.

²⁴ В третьей главе своей монографии Драгомирецкий отмечает, что обвинения Сахарова безосновательны, поскольку в них «не приводится никаких фактических данных, подтверждающих те или иные ошибки чехословаков, а лишь беспардонно окатывается грязью все чехословацкое войско и даже весь чехословацкий народ». См.: *Драгомирецкий В. С.* Указ. соч. С. 122.

Драгомирецкий отмечает, что чехи издавна любили Россию и были готовы помочь ей даже в самые трудные минуты. Об этом, по мнению автора, свидетельствуют добровольный переход целых чешских полков на сторону русской армии, а также тот факт, что служившие в военных подразделениях русской армии чехи всегда «просили посылать их в наиболее опасные места и всегда пренебрегали теми мучениями, которые готовили им австрийцы при их пленении»²⁵. Уже в начале Гражданской войны, когда произошло свержение власти большевиков в Поволжье и Сибири, чешско-словацкие легионеры приветствовали белогвардейские правительства и всегда стремились поддержать их. Драгомирецкий подчеркивает, что и на данном этапе их деятельность диктовалась исключительно любовью к России и славянскому делу²⁶. Выступление Чешско-Словацкого корпуса было вызвано стремлением большевиков, на которых значительное давление оказывала немецкая дипломатия, разоружить чехов и словаков, единственным желанием которых в то время было «пробраться на французский фронт»²⁷. Таким образом, согласно его мнению, вооруженное выступление частей корпуса против местных советов было вынужденным и предпринималось в качестве защиты чехами и словаками своих собственных интересов, в первую очередь, сохранения единства войска²⁸.

В отличие от генерал-лейтенанта Сахарова, Драгомирецкий в своей книге «Чехословаки в России» подчеркивает, что именно «благодаря чехо-словацким отрядам» произошло освобождение Поволжья и Сибири от большевиков²⁹. Согласно его точке зрения, успешные вооруженные действия корпуса против красноармейских подразделений стали тем фактором, который обусловил подъем

---

²⁵ Драгомирецкий В. С. Указ. соч. С. 124.

²⁶ Там же. С. 125.

²⁷ Там же. С. 126.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 126 – 127.

контрреволюционного движения в Поволжье и в Сибири. Автор работы так описывает эти события:

«Слухи о чехословацких победах облетели тогда всю страну. Местное русское общество, освободившись от большевиков, встречало чехословаков как спасителей. При их содействии оно скоро организовалось, образовало местные правительства, сформировало собственную армию и т.д. Его целью было: создать новый фронт, аннулировать брест-литовский договор³⁰ и возродить Россию на началах февральской революции³¹. Других лозунгов тогда не было. Эти стремления совпали с мировоззрениями чехословаков, и потому между обеими группами сразу установились самые дружеские отношения. Когда затем союзные державы предложили чехословацкому войску остаться в Сибири и образовать новый фронт, они охотно перебросили все свои войска к Уралу и совместно с новыми русскими добровольческими частями стали сражаться против общих врагов»³².

Ситуация изменилась лишь с приходом известий об окончании Первой мировой войны и образовании самостоятельной Чехословацкой республики. После получения этих новостей «дальнейшее продолжение войны, казалось, теряло уже всякий смысл»³³. Более того, в результате переворота в Омске, который разделил «местное общество на два враждебных лагеря», произошло дальнейшее усугубление противоречий среди представителей Белого движения. «Чехословаки, - отмечает В. С. Драгомирецкий, - не могли не считаться с этими событиями, тем более, что создавшееся после колчаковского переворота положение не обещало надежд на какой-либо благоприятный успех». В результате легионеры были отозваны с линии фронта и на них «была возложена охрана сибирских железных дорог и вообще охрана тыла»³⁴.

---

³⁰ Так в тексте автора.

³¹ Так в тексте автора.

³² Драгомирецкий В. С. Указ. соч. С. 127.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 127 – 128.

В своей работе этот исследователь представляет чешско-словацких офицеров и солдат как дисциплинированных и честных людей, добывавших все необходимое для своей армии при помощи собственного труда. В противоположность Сахарову, описывавшему легионеров как бездельников, не желавших нести возложенные на них обязанности и занимавшихся исключительно грабежом и спекуляцией, Драгомирецкий говорит о том, что все необходимое для войска было получено не за счет реквизиций, а благодаря усердному и упорному труду легионеров. Оно создавалось ими «на собственных фабриках и заводах»³⁵. Говоря о несостоятельности оценки деятельности Чешско-Словацкого корпуса в Сибири, представленной К. В. Сахаровым, автор монографии отмечает: «Если взять всех чехословацких добровольцев и распределить их на многотысячном пространстве, где они сражались, охраняли и держали в исправности все железнодорожные линии, преследовали повстанцев, работали на фабриках, заводах и в мастерских и заботились о сложных нуждах войск, то окажется, что это количество не даст того остатка, который нужен генералу Сахарову для наполнения ими железнодорожных станций и улиц многочисленных сибирских городов»³⁶.

Несмотря на то, что книга В. С. Драгомирецкого написана с привлечением целого ряда научных работ и мемуаров, а также материалов легионерских архивов, она, как и работы К. В. Сахарова, не может служить достоверным источником, освещающим деятельность Чешско-Словацкого корпуса на территории России в годы Гражданской войны. Следует отметить, что и в ней отсутствует комплексный анализ собранных автором материалов и их объективная оценка. Из текста работы видно, что ее автор стремится, в первую очередь, ответить на несправедливые нападки генерал-лейтенанта в адрес чехо-словаков и оправдать их действия, создав некий

---

³⁵ Драгомирецкий В. С. Указ. соч. С. 136.

³⁶ Там же.

идеальный образ частей корпуса, его командования и руководства.

Таким образом, сопоставление взглядов К. В. Сахарова и В. С. Драгоморецкого показывает, что уже в 20-е годы XX века были высказаны две непримиримые позиции. Одна из них сфокусировалась на разоблачении «преступных» действий руководства корпуса и его личного состава, другая – на их оправдании. Эти противоположные оценки действий частей Чешско-Словацкого корпуса в Поволжье и в Сибири, существуют и поныне. Однако обе из рассмотренных выше точек зрения не могут являться состоятельными. Представляется, что лишь глубокий и тщательный анализ источников позволит взглянуть на военную и политическую деятельность корпуса в годы Гражданской войны с иного ракурса и дать им более объективную оценку.

Винюкова Н. В.¹

Революция и эмиграция. К вопросу о причинах послеоктябрьской эмиграции научной интеллигенции

В результате революционных событий 1917 г. Россию покинуло, по разным оценкам, от 1,5 до 3 млн. человек, сформировав послеоктябрьскую волну эмиграции. Важен и качественный состав эмигрантов – наша страна потеряла множество людей интеллектуального труда.

Причины этого явления, почти не затрагиваемые в историографии, приоткрываются нам через призму судеб трех ученых. Это историки М.И. Ростовцев (1870-1952), М.М. Карпович (1888-1959) и Г.В. Вернадский (1887-1973), - три друга. Они были знакомы еще в России, Карпович и Вернадский были однокурсниками в Московском Университете. Ростовцев на момент отъезда был уже членом академии наук. Оказавшись в эмиграции в разных странах Европы, в 1920-е гг. при взаимной помощи оказались в лучших университетах США - Гарварде, Йеле, Висконсине – и внесли заметный вклад в мировую историческую науку и способствовали становлению американской русистики.

Карпович, Ростовцев и Вернадский покинули родину в 1917, 1918 и 1920 гг. соответственно. Выезд за границу трех историков являет нам несколько типов эмиграции, назовем их условно:

- политическая: это Ростовцев, активный деятель кадетской партии, объявленной в 1917 г. партией врагов народа. В эмиграции вошел в состав ЦК кадетов и писал яростные антибольшевистские статьи, сжигая таким образом мосты для возвращения в Советскую Россию.

---

¹ © Винюкова Н. В.

- белая эмиграция, как разновидность политической: Вернадский, который был не просто кадетом и сыном одного из основателей партии В.И. Вернадского, но еще и занимал пост начальника отдела печати в администрации Врангеля; кроме того, он был человеком глубокой православной веры.

- и затянувшаяся командировка: Карпович покинул страну в составе дипломатической миссии Временного правительства в США в апреле 1917г., и это посольство уже несуществующей страны продолжало работать после революции еще около пяти лет.

Все трое по-своему любили свою страну, хотели лучшей участи для нее, сначала надеялись на скорую смену режима и возвращение, долго не хотели получать нового гражданства. Пребыванием на чужбине тяготились, в их письмах можно проследить отчаяние и даже мысли о смерти.

Но почему они все-таки уехали и закончили свою жизнь вне родины? Важной причиной эмиграции была *политическая и мировоззренческая позиция* уезжавших, их отказ от сотрудничества с Советской властью. До революции каждый был приверженцем какой-либо оппозиционной партии – Ростовцев и Вернадский - кадеты, Карпович в молодости был не раз арестован за деятельность в эсеровских организациях.

Не последнюю роль сыграли и *материальные трудности*, которые испытывала интеллигенция после революции. Разорение страны после Первой мировой и гражданской войн отразилось на состоянии всех слоев общества. Новая власть не ставила своим приоритетом поддержку старой интеллигенции. Ученые, как и многие, переживали голод и холод, проводимые в квартирах «уплотнения», порой налагалась дополнительная трудовая повинность и т.д.

Сами ученые выделяют основной причиной эмиграции *отсутствие свободы* при новом режиме. Ростовцев отмечал, что невозможно «продолжать жить в стране, где царит система рабства, где никто не осмеливается свободно говорить и писать, стране, из которой невозможно уехать, а можно только

бежать»². И Карпович, тяготясь вынужденным проживанием в Америке уже около четырех лет, так объяснял причину невозвращения в одном из писем Вернадскому: «Я знаю, что там нехорошо, и не еду туда потому, что там не хорошо - не в том смысле, что там тяжело живется (этого бы я не испугался), а в том, что там нет необходимой для меня (как и для вас) степени свободы»³.

Ростовцев и Вернадский видели себя в России только в случае смены власти, а Карпович – мечтал о возвращении, не смотря ни на что, но был скован службой и материальными обстоятельствами, помогал (впрочем, как и его коллеги) многочисленным друзьям и знакомым, оставшимся в России и Европе. Он – не беженец, а типичный эмигрант, который менее других мог ожидать недоброжелательного отношения к себе на родине.

Теоретически, возможность остаться жить и работать в России у историков была. Едва ли на тот момент была серьезная угроза жизни у академика РАН Ростовцева, сына уважаемого советской властью ученого Вернадского, дипломата Карповича. Но эта теория могла бы воплотиться в жизнь лишь при условии отречения от своих взглядов, примирения с новой властью и готовности жить и творить в условиях нарастающего идеологического диктата. Формально выезд эмигрантов из страны был добровольным актом, но подоплека у этого выбора была очень сложной. Впоследствии этот роковой шаг воспринимался эмигрантом как трагедия, он нес за собой непрекращающиеся внутренние страдания, ощущение изгнанничества и неприкаянности. Впоследствии они адаптировались в научном сообществе, но не были интегрированы в американском социуме, им оставались чужды его культура и уклад.

---

² Ростовцев М.И. Русская наука в изгнании // Ростовцев М.И. избранные публицистические статьи. 1906-1923 годы. М., 2002. С. 102.

³ Письма М. Карповича Г. Вернадскому 1919-1925 гг. / Публ. М. Раева // НЖ, 1992. Кн. 188. С. 282.

Симакова В. Г.¹

Культурно-политический журнал «Der Monat»: эхо Октябрьской революции в Холодной войне

Журнал «Der Monat» является одним из крупных культурно-политических изданий Германии конца 40х-50х годов. Стоит отметить, что сам журнал являлся инструментом антисоветской пропаганды в начале Холодной Войны. Безусловно, тему революции 1917 года в России издание не могло обойти, однако, как указывается в журнале, к послевоенному периоду на западе не появилась научная литература по истории советского коммунизма и советской России с 1917 года. Были научные претензии со стороны нескольких ученых, однако все попытки сводились лишь к написанию автобиографий бывшими сторонниками коммунизма. Однако, тема революции 1917-ого года затрагивается только как предыстория правления Сталина и его кровавого тоталитарного режима, что является одной из основных тем журнала.

Итак, предпосылки революции 1917 г., по мнению авторов статей журнала, кроются в Первой мировой войне. Именно война привела к экономическому кризису, проблеме поставки продовольствия и голоду.

Большевики в условиях царской России рассчитывали на свержение существующего капиталистического общества и поддержку крестьян и развивающего пролетариата. Интеллигенция, по мнению журнала, не смогла оценить опасность всей ситуации, считая Ленина и его партию всего лишь недолговременным политически объединением. Кроме того, журнал особо обращает внимание на то, что за большевиками следовало большое количество маргиналов, однако за ними постоянно следила полиция.

---

¹ © Симакова В. Г.

Демократическая, как называет ее журнал «Der Monat», революция февраля 1917 года привела не только к свержению Николая II, но и к ряду важных изменений, в том числе к освобождению политических заключенных из тюрем, гарантированию основных демократических прав: свобода слова, печати, собраний². Была отменена смертная казнь и даровано всеобщее избирательное право. Более о февральской революции в журнале не говорится. Скорее всего, это может быть объяснено тем, что сам «кровавый режим» Сталина вышел именно из октябрьской революции, которая и привела большевиков к власти.

Важен и тот фактор, что большевики частично находились в изгнании или тюрьме, но это не остановило их в собственной агитации. Революционные настроения общества, которые после кровавых событий февраля 1917 года, не утихали.

Новое правительство, как пишет «Der Monat», не справилось ни с инфляцией, ни с забастовками рабочих, что в конечном счете привело к столкновению с властью, а советы объявили войну новому правительству. Советы же, в свою очередь активно использовали лозунг «Вся власть Советам!» в качестве инструмента влияния на людей, мотивируя, что именно советы смогут исправить положение. аким образом, именно война стала тем катализатором, который привел большевиков к власти, иначе бы они так и остались в качестве политической секты.

Еще одним важным фактором является заключение мирного договора. Ленин призывал к миру для того, чтобы «измученные войной русские солдаты могли вернуться домой и принять во владения свои земли, не дожидаясь юридического регулирования»³. Если бы правительство Керенского смогло справиться с пропагандой Ленина иначе других

---

² Boris Shub, Die vergessene Revolution, in: Der Monat, Heft 42 (1952), 4. Jg., S. 655; Sidney Hook, Rußland im Mondenschein. Bemerkungen zu einem neuen Buch über die Sowjetunion, Der Monat, Heft 44 (1952), 4. Jg., S.174

³ Boris Shub, Die vergessene Revolution, Der Monat, Heft 42 (1952), 4. Jg., S. 655

большевистских лидеров, то октябрьская революция могла и не произойти.

Тем не менее, у Временного правительства не было шансов противостоять распаду армии и параллельно существующим проблемам в стране, о которых было сказано выше. Постоянное столкновения людей с милицией, радикализация общества, требование отдать контроль над учреждениями рабочим, формирование советов рабочих и солдатских депутатов – все это давало большевикам шанс получить власть.

Целью большевиков, согласно авторам статей журнала «Der Monat», в сложившихся социальных и политических условиях царской России стало свержение существующего капиталистического общества и поиск поддержки среди крестьян и развивающегося пролетариата. Ленин, по мнению журнала, имел цель преобразовать Первую мировую войну в гражданскую войну с целью захвата политической власти и построения диктатуры пролетариата и бесклассового общества, кроме того, он интерпретировал войну как прелюдию революции.

Интересно, что журнал упоминает революцию не только в контексте развития тоталитарной системы под эгидой Сталина, но и в контексте немецкой революции в 1918 году. Революция в России была стихийной, немецкая же – незначительный политический мятеж, переросший в нечто большее. В ходе революции в России был подорван экономический порядок, а крупные землевладельцы, торговцы, работники фабрик, дворяне и городские интеллектуалы исчезли с лица земли⁴. Немецкая революция оставила экономическую структуру нетронутой. Однако, в результате революции русский народ снова оказался в заключении, в этот раз у большевиков, и их условия были ничуть не лучше, чем при царском правительстве. Немцы, в свою очередь, не смогли построить устойчивую республику, что, в конечном счете, привело к ее краху и национал-социализму⁵.

---

⁴ Boris Shub, Revolution im November, Der Monat, Heft 2 (1948), 1. Jg., S. 87-88

⁵ Ibid., S. 89

Журнал затрагивает и вопрос о противостоянии советской и западной системы: истоки этого противостояния после Второй мировой войны следует искать в событиях 1917 года. Руководители большевистского режима были твердо и идейно убеждены, что существует непримиримое противостояние между советским и не-советским миром⁶. Глобальное распространение советской системы имело решающее условие для обеспечения собственной безопасности. Ленин и его последователи считали революцию в качестве первого этапа всемирного процесса, в конце которого - мировая революция. Революция привела к новой политической системе, а партия и режим развились так, что тоталитарная фаза при Сталине отвечала за миллионы смертей, массовые задержания, создание системы трудового лагеря.

---

⁶ David Shub, Lenins letzte Tage. Aus einer neuen kritischen Biographie, Der Monat, Heft 3 (1948), 1. Jg., S. 41

Как сделать удачный доклад? Рекомендации экспертов

Ватлин А. Ю.
проф., д.и.н.

Прежде всего, надо выделить главную мысль доклада и не забывать о ней ни во время подготовки, ни во время самого выступления. Можно представить себе новогоднюю елку, до самой верхушки которой бегут огоньки. Если один из них не загорится, то и звезда на вершине не засияет. Так и здесь - если пропустишь один из аргументов, значит, не сложишь из них прочную цепь доказательств, и доклад потеряет свою убедительность.

И второе. Это трудно, но нужно с самого начала приучать себя не читать доклад по бумажке. Да, это трудно, но зато ты видишь реакцию аудитории, ты в визуальном контакте с ней, ты можешь поменять темп речи или сократить изложение фактов, не забывая о главном, конечно (смотри первый совет). Если же докладчик уткнулся носом в свои бумаги и контактирует только с ними, итог гарантирован - к концу выступления будет слышен чей-то храп. На первых порах можно и выучить наизусть что-то, благо память молодая. А в перспективе придет мастерство докладчика, и написанный на бумаге план выступления, ключевые тезисы останутся подспорьем, но не превратятся в спасательный круг, который в нужный момент не окажется под рукой.

Гайда Ф. А.

доц., к.и.н.

- 1) Главная установка докладчика — узнать что-то, а не рассказать. Мы должны получить максимум полезного от мероприятия. Если мы идем на конференцию не получать знания — цель непонятна. Для докладчика важна заинтересованность в вопросах, критике со стороны слушателей. Между ним и аудиторией должен быть диалог. Слушать надо не себя.
- 2) Настроенность на диалог не означает, что мы не должны быть информированы. Докладчик должен обладать максимумом информации по теме. Нам надо знать в 10-20 раз больше, чем хотим рассказать.
- 3) Мы всегда должны учитывать характер аудитории, если хотим быть услышаны. Надо выстраивать выступление в расчете на то, чтобы нас поняли и приняли.
- 4) В каждом маленьком выступлении должно быть не больше одной ключевой идеи. Желательно, чтобы весь доклад был подчинен ей. Не надо перегружать текст выступления идеями. Не следует рассказывать все то, что знаем. Должен быть четкий посыл, который аудитории надо усвоить.
- 5) Мы гуманитарии, поэтому должны стараться быть понятными на уровне фразеологии. Надо использовать поменьше слов, значение которых следовало бы оговаривать. Совсем плохо, если мы включаем в речь неизвестные слова и не объясняем их смысл. Лучше всего использовать общедоступную лексику, приоритет отдавать словам русского языка. Терминологию же обязательно надо объяснять.
- 6) Очень хороши в любом рассказе конкретные примеры. История — наука конкретная, примеры любит. Если есть

возможность дать изобразительный ряд — надо сделать. Но презентация ради презентации не нужна. Но если изобразительный ряд дополняет повествование — почему бы и нет.

- 7) В докладе обязательно должно быть заключение. В него не нужно включать никаких новых идей по сравнению с содержанием самого доклада. Позволяем кратко еще раз сформулировать ключевую идею. Здесь срабатывает «правило Штирлица» - запоминается последняя фраза. Четкая, краткая, емкая формулировка идеи, которая была озвучена. Есть возможность отобразить ее в памяти слушателей.

Наши авторы

Абрамов Андрей Владимирович - аспирант, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

Алмазов Михаил Григорьевич - магистрант, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

Винюкова Надежда Валерьевна - магистрант, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

Дронов Александр Михайлович - аспирант, Институт славяноведения РАН.

Кириллов Виктор Леонидович - аспирант, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

Князев Павел Юрьевич - магистрант, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

Мошечков Пётр Владимирович - аспирант, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

Русин Даниил Олегович - магистрант, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

Сергушкин Сергей Сергеевич - магистрант, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

Симакова Вероника Геннадьевна - магистрант, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

Томилин Александр Русланович - магистрант, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.